

ПЕСЧИНКА

ПУСТОЙ МИР

ЮЛИЯ УЗУН

Юлия Узун

Песчинка. Пустой мир

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67235239

SelfPub; 2023

Аннотация

Мир охватывает вирус, который уничтожает всех людей и животных на планете. Молодая медсестра Селена Кэмп чудом остается в живых. И теперь одна в огромном мире пытается выжить и не оставляет надежды найти других выживших. На ее плечах миссия возродить новую жизнь на земле. Осуществит ли девушка задуманное? Сможет ли существовать в пустом мире?

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	14
Глава 5	18
Глава 6	23
Глава 7	26
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	40
Глава 11	44
Глава 12	48
Глава 13	55
Глава 14	57
Глава 15	62
Глава 16	69
Глава 17	74
Глава 18	79
Глава 19	85
Глава 20	92
Глава 21	96
Глава 22	100

Глава 23	108
Глава 24	113
Глава 25	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Юлия Узун

Песчинка. Пустой мир

Пролог

– Кажется, начинается! – кричит папа, и моё сердце отбивает бешеный ритм волнения вперемешку со страхом.

Вот и наступил этот день, о котором твердили пророки всех веков. Сегодня. Это конец света, уничтожение всей жизни на земле или просто истребление. И никто не сможет помочь людям. Мне страшно. Мне так страшно!

Мама снова начинает истошно кашлять, полетев со стула на пол. Папа хочет помочь, но сам погибает от боли. Их кожа покрывается страшной сыпью, я никогда такого не видела! Мой маленький братишка отбрасывает вилку: еда ему уже точно не нужна. А новорожденная Седи? Она громко кричит в кроватке и мама не в силах до нее дойти. Я единственная, кто не испытывает ни боли, ни дискомфорта. Моя кожа по-прежнему чистая и белая, а значит, я в состоянии добраться до малютки и успокоить ее.

Делаю шаг к малышке.

– Нет! – слышу дикий крик папы.

Но он не успевает меня остановить. Младенец уже молчит, а его тело разлагается на глазах, постепенно исчезает,

обращается в пыль. С трудом подавляю тошноту.

На улице царит настоящая паника. Слышу выстрелы и вопли женщин, рыдания, визг тормозов и бум! Что-то врезалось в витрину, не очень далеко от нашего дома.

Мама сворачивается клубочком на полу, ее трясет в лихорадке, хотя, возможно, это нервный припадок. Я только начинающая медсестра и не знаю, как помочь своим родным. Рыдаю в голос и кричу: «Помогите же! Они умирают!»

В какой-то момент отключаю сознание и слышу только стук своего сердца, отдающийся в ушах. Глубоко дышу. Вдох-выдох. Вдох-выдох. Постепенно возвращается гул. Нет. Это не остановить! Смотрю на пол, а от мамы уже ничего не осталось. Только одежда.

– Мама! – в неистовстве рву голосовые связки, и скоро крик переходит в яростный вой. Перед глазами пелена. Папа хватается за руку и куда-то тянет за собой. Чувствую холод, идем вниз по лестнице. Что будет? Что будет?

Раздается визг. Оглядываюсь вокруг, мы в подвале. Здесь темно и сыро.

– Заходи! – велит мне папа, указывая на комнату.

– Что это?

– Переждем здесь, – он тяжело дышит, а его правая рука начинает чернеть. Опять реву. Только не папа, Господи!

– Это «бомбоубежище», – объясняет он, ожидая, когда я войду. – Мы построили его десять лет назад на случай войны. Здесь есть еда и лекарство. Ты справишься, я знаю.

Разворачиваюсь.

– Что? А ты, пап?

– А я буду наблюдать за тобой из дома Господнего, – отвечает он и закрывает тяжелую железную дверь. Поворот замков. Я остаюсь одна.

– Нет, папа! Не-е-ет!

Глава 1

Над городом сгустился знойный воздух. Уже несколько дней стоит удушливая жара. Держу заправочный пистолет одной рукой, а второй вытираю пот со лба. Заправлять автомобиль нет необходимости, но я уже натолкала вещей в багажник и не хочется все перекладывать, когда изнемогаешь от жары. Да и кондиционер в автомобиле работает исправно. Таких машин мало, где уже можно найти. За пять месяцев большинство автомобилей, особенно те, что «отдыхают» на открытом воздухе, приходят в негодность. Тормозные колодки покрываются ржавчиной, разряжается аккумулятор и масло необходимо менять. Я не всегда могу взять и сменить машину. Если и возникает острая необходимость – например, поломка – стараюсь взламывать гаражи и брать машину в более или менее хорошем состоянии.

На заправке, в магазинчике, набираю несколько бутылок воды. Без электричества летом холодных напитков не сыскать. Радуюсь, когда удастся найти холодный подвал или погреб. Там в основном хранится спиртное, но и воду тоже можно достать. Прохладную.

Мечтаю найти горный источник и искупаться в освежающей ледяной воде.

Но пока я нахожусь в штате Мэриленд и направляюсь в округ Калверт к Чесапикскому заливу. Там жили мои бабуш-

ка с бабушкой – родители отца. Дед был вирусологом, и я надеюсь, что он знал хоть что-нибудь о болезни, которая унесла жизни всех людей на этой планете, а также животных. Хочу знать, почему я выжила. Меня спас явно не тот подвал, называемый «бомбоубежищем». Если бы я подхватила вирус, то умерла бы прямо там. Тут что-то другое.

Еду на невысокой скорости, так как на дорогах очень часто встречаются препятствия в виде ряда машин, раздавленных в лепёшку или перевернутых. Бывает и так, что приходится ехать в объезд, искать другие пути.

И вот опять. Тихо двигаюсь по Уилсон Роуд, и перед глазами вырастает груда металла. Нажимаю на тормоз. О парковке можно не думать, никто не оштрафует и путь преграждать некому. Выхожу и осматриваю место, чтобы выяснить, смогу ли я объехать огромные, лежащие на боку, грузовики. Но нет, прямо перед Феирвью Истейтс Драйв есть еще несколько машин. Решаю вернуться и свернуть на Кэмп Кауфман Роуд. Как же я ненавижу такие моменты! Особенно, когда устала и хочу спать. Я провела в дороге больше месяца и единственное желание сейчас – добраться до места.

Глава 2

Я рада, что к тому времени, как мой автомобиль подъезжает к дому дедушки, день плавно переходит в вечер. Жара и духота уступают место легкой необременительной прохладе.

Паркуюсь у ворот, и мой печальный взгляд застывает на стенах белоснежного двухэтажного коттеджа.

Как же давно, кажется, я здесь не была. На самом деле, мы приезжали всей семьей сюда прошлым летом. Тогда никто еще не подозревал о конце света. Дедушка праздновал семидесятилетний юбилей – последний в его жизни, да и вообще в жизни всей семьи.

Смахиваю слезы с лица, проведя по нему ладошками, и иду по дорожке, заросшей густой травой. За садом теперь никто не ухаживает, кроме насекомых. Вот еще одна задача: люди вымерли, животные тоже, но большинство насекомых живут, и москиты каждый вечер напоминают мне о том, что я тоже еще жива.

Дверь заперта изнутри. В груди всё сжимается – они были в тот день дома. Господи, вот, кажется, что уже пережила этот нелегкий период, когда оплакивала всех своих близких и друзей, но оказавшись в родном месте, опять готова рыдать навзрыд.

Обхожу дом, оказываюсь в колючем кустарнике, но терплю его натиски и влезаю в открытое окно.

В доме стоит запах гнили. Не людских тел, нет. Они все превратились в пыль и давным-давно растворились в воздухе. Это испорченные продукты, ведь электростанции перестали работать, энергия не поступает в дома. Я пользуюсь генераторами, если они имеются. У бабушки, точно знаю, он есть.

Сначала осматриваю дом. В спальне на кровати, обнаруживаю белую сорочку в красный мелкий цветочек, а рядом серую мужскую пижаму. Здесь их и не стало. Ничего не трогая, быстро выхожу из комнаты. Пусть покоятся с миром. Их прах наверняка смешался с пылинками в воздухе, и я не имею права их тревожить. В конце концов, в доме есть другие спальни.

Уборка занимает всего два часа. Я нашла генератор, но пропан в нем закончился, поэтому позаимствовала новый в соседнем доме. С электричеством могу пропылесосить, и холодильник работает. Вычищаю его как следует и забиваю водой. На кухне нахожу пачку макарон, растительное масло и соль. Отвариваю и ужинаю.

И так на протяжении пяти месяцев. Не живу, а существую. Одна... на весь мир.

Глава 3

Мой дедушка Йонас Кэмп был вирусологом и почти всю свою жизнь проработал в научно-исследовательском институте в Сан-Франциско. В округ Калверт он и его жена, моя бабушка, переехали, когда дедушка вышел на пенсию. Бабушка была флористом и идея жить в красивом месте, где можно выращивать разные виды цветов и составлять икебаны, ей сразу понравилась. Однако заслуженный отдых дедушки не продлился и года, когда в институт поступила информация о новой разновидности вируса, которому дали название «ОК». Я не знаю, как расшифровывается это название, и до сегодняшнего дня знать не хотела. В течении нескольких лет этот вирус был засекречен, вирусологи исследовали новую болезнь, а также упорно искали лечение, ибо вирус убивал человека полностью, не оставляя и следа. Дедушка участвовал в этом открытии и имел записи, за которыми я и приехала сюда.

В кабинете на столе лежит слой пыли. Вчера я не добралась до него, чтобы убрать. По сути, мне всего лишь нужны записи. В нижнем ящике нахожу толстые тетради с наклейкой «ОК». Пока компьютер включается, решаю полистать записи.

Очень много незнакомых медицинских терминов. Я тоже училась в медицинском институте в нашем штате, но до

учиться мне было не суждено. А если бы закончила, то стала бы квалифицированной медсестрой. Вирусология – это не укольчики в попу ставить. Здесь всё гораздо серьезнее и шире.

Что меня действительно порадовало, так это расшифровка названия.

«ОК» – объединенный комплекс – вирус, который включает в себя симптомы около сотни известных, а также доселе неизвестных человечеству болезней.

Далее только формулы и непонятные пометки. Вздыхаю. Чтобы это понять, нужно, как минимум, иметь начальные знания в сфере вирусологии. Я же совсем не разбираюсь в этом. И почерк у дедушки был размашистый, непонятный. В его компьютере нахожу всего один файл и распечатываю. Дедушка в свои годы не очень доверял технике, поэтому беру две толстые тетради, распечатку с формулами и кладу в сумку. Поеду в Сан-Франциско в исследовательский институт и пошарю там.

Хочу знать, что за дрянь убила моих родных, да и всех людей, включая животных, на планете. Хочу знать, почему меня этот вирус не поразил. А еще питаю надежду найти хотя бы одного живого человека. Если жива я, то, возможно, в каком-то уголке мира есть такие же выжившие.

Глава 4

Мне предстоит долгая дорога. До Сан-Франциско примерно сорок часов, то есть ехать мне примерно три тысячи миль. В моей машине, к счастью, установлен навигатор. Заранее подзаряжаю все батареи. Нахожу у деда переносной холодильник и забиваю его водой. Июнь в этом году очень жаркий, еще солнце не взошло как следует, а по моим вискам бегут капельки пота.

Сажусь за руль, включаю радио, чтобы проверить частоты. Мало ли, может кто-нибудь найдет способ связи. Но нет. Только белый шум. Некоторое время сижу в тишине, огорченно глядя на дедушкин коттедж, затем сую USB-флэшку в разъем, и салон наполняется музыкой знаменитых людей, которых уже нет.

Я точно знаю, что их нет. Последние события слишком красочно показывали, к чему всё идёт. Ведь что значит город без людей? Нет людей – нет топлива. Нет топлива – значит, по всему миру перестают работать электростанции. Потеряв энергию, водяные насосы в метро, поддерживающие уровень грунтовых вод, отключаются. Подземные тоннели по этой причине, скорее всего, затопило. Я не видела, что творится в других странах и городах, но хватило той картины, что предстала передо мной в первый день выхода из «бомбоубежища».

На самом деле жить в пустом мире страшнее. Затопление станций приведут к оползням, которые вызовут обрушения зданий в крупнейших городах мира. Я уже не говорю про стихийные бедствия. Однажды я задумалась о спутниках Земли, которые, потеряв питание, медленно падают на Землю. Одни, возможно, сгорят в атмосфере, другие врежутся в Землю и вызовут многочисленные пожары. Это может случиться уже через сто или сто пятьдесят лет, а может уже завтра. Я не ученая и не знаю точных цифр. Но от подобных мыслей поневоле начинаешь дрожать.

Остановить самую страшную катастрофу сможет человек. Если такой есть. Пока что это я. Но разве я смогу одна подключить энергопитание во всём мире, чтобы избежать самой ужасной участи...

Первые шесть часов проходят легко. Нет движения, нет патрульных на дорогах. Пару раз заправились. Бензин еще сносный. А вот через год я буду заправляться дрянью. Страшно представить. Возвращаемся в первобытное время.

В каком-то магазине нахожу вполне съедобные консервы, с аппетитом съедаю их. Еще через два часа, проезжая город Толидо, вижу кофейню. Там работает генератор, чему я удивляюсь и даже кричу на улице: «Есть кто живой?»

Кофе мне понравился. Жаль, все мучные изделия оказались черствыми, некоторые заплесневелыми и непригодными к пище. Но печенье, если помакать в кофе, можно есть.

Для ночёвки использую придорожные мотели. Сплю в

люксах. Если есть горячая вода, а с такой жарой бойлеры нагреваются до предела, то принимаю душ.

Все идет хорошо и согласно задуманным планам, постепенно приближаюсь к Сан-Франциско. Остается всего несколько часов, когда моя машина делает «кряк» и глохнет посреди дороги. Сажу и не дышу, потому что понимаю, что нахожусь в глуши. Поблизости не вижу ни одной машины.

Расстроенная открываю капот, а оттуда валит дым.

– Этого еще не хватало, – печально говорю самой себе.

Синий указатель впереди говорит, что недалеко есть деревня. Выбора нет. Достая сумку, перекидываю через плечо, затем, пообещав вернуться за остальными вещами, двигаюсь по ухабистой тропинке в сторону, где виднеются крыши домов.

Добираюсь по самому пеклу до деревни. Улочки узкие, вижу всего несколько домов. Территория ухоженная, тщательно подметена, кое-где присыпана желтым песочком. Моё сердце гулко забухало. За пять месяцев ветер должен был разбросать листья. Во дворе одного из домов вижу остатки костра. Не может быть, думаю я, неужели нашелся еще один человек.

Хочу постучать кулаком в дверь, а она тут же со скрипом открывается. На минуту застываю, как обмороженная. Какое-то нехорошее предчувствие овладевает мной, но я упрямо шагаю внутрь дома.

Ну и вонь!

Прикрываю нос, стараясь дышать только ртом, пока обхожу дом.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – кричу, заглядывая в каждую комнату. Что-то слышу. Кашель. – Эй! Где вы?

Бегу на второй этаж. Вонь усиливается. Вбегаю в первую попавшуюся комнату, и меня тут же выворачивает от запаха.

В конце концов, беру себя в руки и еще раз смотрю на мужчину, который лежит на койке, весь черный, покрытый волдырями.

– Уходи, – хрипит он. – Уходи.

Не знаю почему, но я подчиняюсь. Помочь человеку я уже ничем не смогу. Пока бегу, перед глазами стоит образ моей сестренки Седи. Вспоминаю, как она растворилась у меня на глазах. Становится плохо и не хватает воздуха. Толкаю дверь, вбираю как можно больше воздуха, а потом, упав на колени, долго плачу.

Глава 5

В одном из гаражей нахожу рабочий «Рендж Ровер» с кондиционером. Я растерянна и по-прежнему нахожусь в шоковом состоянии. Мужчине удалось прожить еще пять месяцев после эпидемии, и всё равно вирус его сожрал. И такое что ли возможно?

Как же страшно.

Забираю вещи из сломанной машины, и дальше до Сан-Франциско еду по указателям, почти без остановок. Ранним утром в городе прохладно и туманно, так что я поднимаю все стекла и включаю дальний свет. Врезаться можно в любую секунду, поэтому скорость не превышает двенадцати миль в час. Очень много опрокинутых грузовиков, на обочинах груды одежды. Похоже, в этом месте толпился народ, предполагаю я, а затем стараюсь ни о чём не думать. Концентрируюсь на том, что необходимо найти научно-исследовательский институт, а для этого, ориентируясь по указателям, нахожу главную улицу и, медленно двигаясь по ней, ищу почтовое отделение или книжный магазин, где можно добыть путеводитель.

Передо мной открывается красивый город, окутанный прозрачной дымкой тумана. Дороги широкие, ровные. Мой автомобиль катится мягко и комфортно, слышно как приятно трутся о землю шины. Надо признать, что Сан-Францис-

ко находится в самом живописном месте, где с трёх сторон омывается водой: заливом Сан-Франциско с востока, Тихим океаном с запада и проливом Золотые Ворота с севера. Вот куда я отправлюсь, когда закончу с институтом.

Проезжаю мимо застывших трамваев, мимо ещё зеленых парков, замечаю красные и желтые флажки. Люди готовились что-то праздновать. А возможно, это еще с нового года не убрали. И кто теперь уберет?

Изредка встречаются полуразрушенные здания, в разбитых окнах которых зияют дыры. Трудно предположить, что здесь происходило. В Мэдисоне зрелище намного хуже, но я точно знаю, что обезумев под конец, люди стреляли... Или стреляли блюстители порядка в надежде остановить буйных умирающих граждан.

В «Бургер кинг» нахожу теплую пепси и бросаю несколько жестяных банок в свой переносной холодильник. Не сдержавшись, забираюсь в коричневые мини-трамвайчики, но ничего интересного там не нахожу, кроме груды одежды. А, заметив детскую погремушку, поскорее ухожу отсюда.

Этот город такой же мёртвый, как и все предыдущие.

Через два часа нахожу то, что искала. Снаружи научно-исследовательский институт выглядит как обычное современное здание. Фасад создан в темно-коричневых тонах. Смотрится очень стильно. Но безжизненно.

Когда вхожу внутрь, по всему телу пробегает холодок. Иду по коридору, наступая на битое стекло, белые халаты и дру-

гую одежду, и отчаянно борюсь с тяжелым грузом на душе. Я даже не знаю, с чего начать. Надпись «Лаборатория» приводит меня вниз. Внутри стоит специфический запах, я морщусь, затем поднимаю с пола маску, еще запечатанную в полиэтилен. Без нее мне не справиться с приступом тошноты. Уж понятия не имею, чем тут пахнет, но пахнет скверно.

Просматриваю последние заключения с надписью «ОК-0108». У дедушки номер нигде не зафиксирован, поэтому озадаченно изучаю цифры. Глаза опускаются ниже, останавливаются на записи «выявлено», где читаю только пару строк:

«В крови обнаружены суммарные антитела к возбудителю сифилиса, поздняя стадия. Также выявлены неизвестные антитела. Требуется повторный анализ».

На других листках всё почти то же самое с небольшой разницей. Но последние два предложения неизменны.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АНТИТЕЛА.

ПОВТОРНЫЙ АНАЛИЗ.

«Они до самого конца так и не изучили этот вирус», – думаю я, затем поднимаюсь по лестнице наверх, прохожусь по отделениям больницы, заглядываю в кабинеты врачей, читаю все их записи. В компьютеры попасть не удастся, так как нет электричества, а батареи сели. Выключенных ноутбуков наверняка не было в тот день. Потом в голову приходит мысль – взять один ноутбук с собой, где-нибудь подзаряджу, и можно будет добыть информацию. Ученые должны

же были знать хоть что-нибудь об этом гадком вирусе!

Белая дверь, на табличке которой написано «Джон Вайбер – учёный вирусолог и эпидемиолог», не заперта. Отлично! Он-то мне и нужен. Захожу внутрь, сгребая в руки компьютер, собираю провода. Его туфли находятся прямо около стула, халат видимо сквозняком выбросило на пол – окно раскрыто настежь, – на столе ручка и стикер. Читаю, что там написано:

«0108 убил и меня».

– О, Господи! – вдыхаю, затем медленно выдыхаю, приведя маску в движение. С меня достаточно. Чувствую, что нужен отдых. Сейчас найду чистую квартиру с хорошим генератором и на пару дней остановлюсь там. В дороге вымоталась так, что сил сосем не осталось – ни физических, ни моральных.

Открываю дверь, но не ухожу, потому что в глаза бросается пальто учёного. В течение минуты проверяю карманы, и во внутреннем, наконец, нахожу планшет. Разве человек будет просто так класть планшет в потайной внутренний карман? Решаю, что нет, и беру вещь с собой.

В центре города заглядываю в электронный магазин, подбираю зарядное устройство на планшет, затем отправляюсь на поиски квартиры. Иду пешком, так как район сам по себе хороший и благоустроенный. Но чем дальше двигаюсь, тем сильнее становится чувство, что за мной наблюдают. Останавливаюсь. Резко оборачиваюсь. Никого. Снова иду. Гиб-

кая подошва моих кед мнёт под собой мелкий песок. Прислушиваюсь к посторонним звукам, ведь в пустом городе ты словно в туннеле – любой шорох может быть услышан. Я буду счастлива, даже если это окажется крохотная мышь.

– Эй! – негромко произношу, и мой голос эхом уносится ввысь.

Давно пора смириться с игрой собственного воображения. Я уже столько месяцев одна, что поневоле начинаю сходиться с ума и придумывать живых людей.

– Одна маленькая мышка, – напеваю себе под нос, приближаясь к дому, – и у меня будет друг.

Печально улыбаюсь, берусь за железную ручку, чтобы войти в подъезд, и вот тут уже слух меня не подводит. Раздается грохот, потом треск и звук быстро удаляющихся шагов.

Это не мышка. Это человек!

Глава 6

Прислушиваюсь. Перед глазами стоит мёртвый город, окутанный угнетающей тишиной. И так сейчас, наверное, по всей планете: и в Мексике, и в Канаде, и в Китае, везде. Туман давно рассеялся, небо чистое. Ненароком мелькает мысль, что самое время для туристов, открывать новые уголки мира. Однако, этому уже не суждено случиться.

Шум повторяется, едва я отхожу от дома. Теперь уверенности прибавилось, я не ошиблась, и это не чудится. Следую на звук, сворачиваю в переулок между высокими зданиями. Никого. Вдоль стен стоят баки с гниющим мусором. Откуда-то сверху капает вода. Шаги доносились из этого места, мне не может показаться, потому что других звуков в городе нет. Ощущаю, как грудная клетка быстро вздымается, а на шее пульсирует жилка.

– Эй! Выходи! Я безоружна! – кричу в пустоту, шарахаясь от собственного голоса. За пять месяцев я мало говорила вслух. – Ну же... я не сделаю тебе ничего плохого.

Медленно двигаюсь вперёд, готовясь к тому, что могу увидеть. Больной мужчина в деревне до сих пор не выходит из головы. Но я старательно представляю здоровую молодую женщину или паренька, может, мальчишку. По шагам трудно сказать, но ясно, что человек быстро и легко бежит. Хорошо бы найти хоть одного целого, подружиться с ним и вместе

думать, как выжить.

Переулок закончился, я очутилась на соседней улице. Смотрю то направо, то налево, а сердце так и колотится, готовое вырваться в любую секунду.

Сдаться?

Разочарованно вздыхаю и разворачиваюсь, чтобы идти обратно, когда замечаю тень. Этот кто-то прячется за голубым трамваем, находящимся от меня всего в нескольких шагах. Не хочу напугать человека, поэтому думаю, как незамеченной приблизиться к трамваю. Но в какой-то момент передумываю и решаю сменить тактику.

– Ладно, – громко говорю и пячусь назад, – хочешь жить один... или одна... валяй! Мы могли бы помочь друг другу. Но раз так...

Делаю взмах рукой и скрываюсь в переулке, но не ухожу, а прячусь за первый попавшийся бак. От запаха гнили кружится голова и тошнит.

Через минуту вижу, как из-за трамвая выходит маленькая девочка. В моем сердце поселяется тёплый лучик, а на глаза пробиваются слёзы. Здоровая девочка, немного лохматая и чумазая, но видно, что крепкая. Глаза большие, ясные. На ней черные шорты, гольфы, а сверху майка без рукавов. На шее висит бинокль. Она, видно, давно за мной наблюдает. В тихом городе легко услышать шум мотора.

Она всматривается в темный переулок, чтобы убедиться, ушла я или нет, затем шипит кому-то и говорит: «Эльбрус,

пошли».

Эльбрус – это маленькая собака породы бассет-хаунд. Внешне он кажется печальным и строгим, но то, как пёс виляет изогнутым хвостом, говорит о жизнерадостности и нежных чувствах к своей хозяйке. Он медленно выходит из укрытия и следует за девочкой вдоль улицы, где я замечаю велосипед.

И тут меня настигает паника: они сейчас уедут, а я так и не смогу с ней пообщаться. Нельзя их отпускать! И я решительно вылетаю из переулка и как можно быстрее бегу в их сторону с криком:

– Стой! Подожди!

Глава 7

Только теперь я понимаю, что мои силы тают значительно быстрее. Возможно, виной всему плохой сон или недоедание. С каждым месяцем добыть нормальную вкусную еду становится всё труднее. Я постоянно нахожусь в напряжении; бесконечная дорога изматывает, но останавливаться нельзя. Если Бог дал мне шанс, значит, моя миссия – сохранить жизнь себе или спасти кого-то ещё.

Например, ту девочку.

Не смогла догнать её. Девчонка оказалась шустрее. За считанные секунды она оседлала свой велосипед, собака одновременно запрыгнула в корзину, что крепилась сзади, и погнала вниз по улице, а потом скрылась за высотным зданием, докуда я не смогла добежать. Выдохлась.

Всю ночь потом не смогла уснуть, думая и гадая, почему же она меня боится.

В итоге мне удастся поспать от силы два часа. Утром добываю еды. В основном, это пакетики готового супа, слайсы и овсяное печенье. Уж чай в доме, где ночевала, там нашёлся.

Запустить генератор ни в одной квартире не удалось, поэтому подзарядить компьютер и планшет не получилось. Сегодня займусь поисками дома с целым генератором. Но прежде...

Останавливаюсь перед большим овальным зеркалом в коридоре и смотрю на себя. Я превратилась в ходячего скелета. Возможно, раньше я мечтала похудеть, но теперь вижу дохлячку, на которой даже одежда нормально не сидит. И где мои пухлые формы? Друзья в институте дразнили меня за толстый зад и буфера. Сейчас это все, словно сдулось. Ноги, как две палки, торчат из-под шорт. Футболка с пятнами висит, как на вешалке. Волосы жирные и спутанные. Самая натуральная бомжиха! Не удивительно, что ребенок меня испугался.

Устало отвожу взгляд в сторону. Теплые солнечные лучи пробиваются сквозь окна и радуют янтарным светом. Прекрасный день... должен быть прекрасным. Принимаю душ, нахожу в шкафу женские джинсы и чистую футболку с принтом радуги, беру все свои вещи и выхожу в город.

Не великая радость колесить по пустым улицам Сан-Франциско, но выбора нет. Стараюсь не отдаляться от Маркет-Стрит в надежде еще раз встретить девочку. Ближе к вечеру, проезжая мимо какой-то площади, замечаю новогоднюю ёлку, которая так и осталась стоять никому ненужная. Выхожу из машины и зачем-то иду к ней. Ёлка навеивает воспоминания, по моим глазам бегут слезы.

– Я была здесь, когда люди начали исчезать.

Вздрагиваю и оборачиваюсь. За спиной стоит та самая девчушка с растрепанными волосами пшеничного цвета. На ней сегодня розовые брюки и желтая блестящая футболка.

А она любит прошвырнуться по магазинам! Собака преданно пристраивается у ног хозяйки и высовывает язык, важно глядя перед собой.

– Ты здесь одна? – осторожно спрашиваю я, не хочу спугнуть ее снова.

– Сначала я думала, что это случилось только в Сан-Франциско, но за мной так никто и не приехал. И интернета нет... Ничего нет.

– К сожалению, это так, – киваю.

Мы смотрим друг на друга, потом я указываю на пса.

– Твой?

– Теперь мой, – девочка присаживается себе на пятки и гладит собаку. – Я нашла его через три дня после катастрофы.

«Катастрофа»? Она так это называет?

– Он сидел около женской одежды и скулил, – продолжает девочка. – Я добыла в супермаркете корм для собак, накормила, затем отцепила ошейник и позвала с собой. Эльбрус пошел.

– Ты дала ему это имя?

– Нет, – она дергает плечами. – На ошейнике написано было.

Когда мне кажется, что мы, наконец, нашли контакт, протягиваю руку и улыбаюсь.

– Меня зовут Селена. А тебя?

– Оливия Стоун, – отвечает девочка, но руки не подает.

– Боишься, что я заразна?

Молчит.

– Как долго это продолжалось? – спрашиваю. Мы начинаем двигаться вдоль площади к зданию парламента, как мне показалось. Оливия держится чуть в стороне. Собака тащится за нами.

– А ты разве не видела?

– Нет. Папа запер меня в «бомбоубежище». Я жила там целый месяц, а когда выбралась, людей уже не было.

– Повезло, – с грустью говорит Оливия, затем поднимает голову вверх, пытаясь разглядеть верхушку ёлки. – Я видела всё от начала и до конца.

Моё сердце сжимается. Как же это тяжело для детской психики. Оливия не совсем ребенок, но с другой стороны, она не доросла до того возраста, когда все это воспринимается по-другому. Мне двадцать один и не скажу, что такой конец света нисколько не повлиял на мое психическое здоровье. А Оливии – прикидываю возраст – лет двенадцать-тринадцать. Однако девочка держится молодцом и не падает духом.

Мы недолго гуляем, потом набираюсь смелости и спрашиваю:

– Почему ты меня испугалась вчера? И почему сегодня всё-таки решила подойти?

Оливия некоторое время изучает меня таким внимательным взглядом, что я вся съежилась; после стольких месяцев

одинокчества я не очень-то уверена, что всё это наяву.

– Почему-почему... Потому что остались ещё больные люди, – заявляет она и смотрит на меня своими синими глазами. – Но сегодня наблюдала за тобой. И, похоже, у тебя тоже иммунитет, как и у меня.

Глава 8

Оказывается Оливия все эти месяцы жила в своем собственном доме, и я очень завидую ее мужеству в такие-то годы. Сама, стоило выбраться из «бомбоубежища» и понять, что никого не осталось, тут же покинула, не то, что родной дом, а город в целом. В Мэдисоне не могла оставаться ни минуты, потому что там всё – вся моя жизнь, друзья, родственники, моя первая школа, мой медицинский институт... мой парень.

Мы встречались с Джошем около шести месяцев, и я даже не знаю, когда он умер и как. Помню, в ноябре заметила первые признаки странной болезни. Люди кашляли, у некоторых на коже появлялась сыпь. У Джоша высыпало всю правую руку. Мы подумали, что это аллергия, но потом я заметила эту сыпь у мамы и у брата, а еще через неделю почти вся наша группа в институте ходила с красными пятнами на разных частях тела. Никто ничего не понимал, а врачи разводили руками, пока в один прекрасный день не позвонил дедушка и не рассказал отцу, что ожидает человечество в будущем.

И вот, мы в этом самом будущем.

Оливия привела меня в свой дом, зажгла свечи, так как за окнами давно стемнело, достала из неработающего холодильника чипсы с пепси, и мы устроились на мягких диванах

в гостинной.

Девочка поддерживает чистоту: я не чувствую плохих запахов, вещи все на своих местах, ничто нигде не валяется.

– Здесь нет генератора? – решаю поинтересоваться, думая, что Оливия, возможно, не знает, как его подключить.

– Он есть, но три месяца назад генератор перестал работать.

– Почему не ушла жить в другой дом?

Оливия громко хрустит чипсами, а некоторые дает Эльбрусу.

– Не хочу жить в чужих домах. Я здесь привыкла.

Смотрю на собаку, и вдруг мелькает мысль, что чипсы могут привести к каким-нибудь расстройствам. Я ничем ему не смогу помочь, потому что не ветеринар.

– У тебя есть для него специальный корм? Сейчас такое время, знаешь, что лучше не рисковать здоровьем выживших, – задумчиво смотрю на то, что мы сами едим, затем отодвигаю в сторону. – Нам тоже надо бы постараться питаться лучше.

– Корм у меня есть, – Оливия соскакивает с кресла и бежит на кухню, затем возвращается с большой миской сухого корма. – Селена, я эту собаку уже пять месяцев кормлю, и пока ничего не случилось. С нами тоже ничего не будет. Да и где мы найдем хорошую еду?

– А давай завтра прокатимся загород? Сейчас много фруктов и овощей спеют. Конечно, не во всех огородах мож-

но будет найти что-нибудь вкусненькое, но уверена, что есть такие деревья, которые плодятся без всякого ухода. — Улыбаюсь ей самой искренней улыбкой, но Оливия не отвечает мне тем же. Я пересаживаюсь к ней ближе и беру за руки. — У нас всё получится, вот увидишь. Мы найдём других выживших и заживем одной семьей. Расскажи мне про иммунитет. Как ты узнала об этом?

И Оливия охотно соглашается ответить на этот вопрос. Я рада, что девочка не убрала рук, а оставила, позволив мне наслаждаться настоящим человеческим теплом.

— Когда люди начали болеть, мама отвела меня в больницу, потому что на моей коже не возникало сыпи, и она хотела убедиться, что я не подцепила заразу. И правда, доктора ничего не обнаружили. Потом меня начали водить по больницам, обследовали с ног до головы и выяснили, что в моём организме есть какие-то антитела.

— Антитела?

— Да. Они защищали меня от заражения. Доктор Вайбер назвал это стабильным иммунитетом.

Я хмурюсь и вспоминаю табличку на двери кабинета врача: Джон Вайбер. Так-так, кажется, я шла по правильному пути.

— И... что случилось потом? Ну, узнали они о том, что ты с иммунитетом, что же они решили?

— Стали проводить опыты. Мама согласилась, потому что хотела жить, но она умерла до начала пандемии. И не от бо-

лезни. Ее сбил мотоциклист.

Сочувствие и сожаление в нынешней ситуации уже не играют никакой роли, поэтому я просто глажу ее по волосам.

– В общем, – продолжает Оливия, теребя шнурок от кофточки, – они хотели применить мою кровь, чтобы создать лекарство, но не успели. Вирус слишком быстро распространился. Там были и запущенные стадии, а они самые опасные. Доктор Вайбер в компании какой-то женщины психолога рассказывали, как выжить после исчезновения людей.

– Но ты же говорила, что думала, якобы это случилось только в Сан-Франциско?

– Да, я, правда, так думала. Мне никто не сказал, что пандемия – это мировая катастрофа, и человечество вымрет. Доктор Вайбер объяснил, что скоро я останусь одна в городе, учил меня добывать еду, показал, что брать в аптеке, если болит живот или возникнет простуда. Психолог готовила меня к жизни без людей. Как я уже сказала, осиротела я раньше, поэтому не противилась их указаниям.

Откидываюсь на спинку дивана, запрокидываю голову и закрываю глаза.

– Выжить такой маленькой девочке непросто, – тихо произношу.

– Мне уже двенадцать! – протестует Оливия. – А еще я девочка-скаут. В школьном лагере и не такое видели.

Из ее уст это так забавно звучит, что я начинаю смеяться.

– Девочка-скаут, – повторяю я. – А можно я буду называть

тебя Скаут Оливия?

– Оригинальненько. Скаут Оливия, Скаут Селена и Скаут Эльбрус.

Теперь я уже хохочу. Оливия подхватывает мой смех, и это веселье я ни на что на свете не променяю.

Глава 9

На следующий день мы действительно едем искать огороды, решив, что здоровье превыше всего. А что мы можем есть в городе? Только сухие завтраки, печенье, готовые полуфабрикаты, наподобие готовой лапши или супов в пакетиках. К счастью, у макарон и риса хороший срок службы и иногда можно сварить что-то посущественнее. Консервы позволяют не забывать вкус мяса, рыбы и прочих подобных продуктов. Но я даже к консервам отношусь очень осторожно и стараюсь добывать их в самых холодных подвалах.

Сегодня утром мы нашли консервы из индейки и умяли почти по пять банок за раз, заедая слайсами. Эльбрус тоже полакомился с удовольствием.

Но мы не знали, что за городом нас ждет рай из столового винограда. Я и раньше находила овощи и фрукты, но сейчас осознаю, как соскучилась по этим ягодам.

Виноградник, в который нас занесло, необъятных размеров. Мы бегаем и верещим как дети, срывая грозди и лопая кисло-сладкие ягоды.

– На велосипеде я так далеко не ездила, – признается Оливия.

– А я однажды нашла целое поле морковки! – смеюсь.

Мы идем вдоль виноградника, доедая ягоды. Я скоро точно лопну!

– И что ты сделала с морковкой?

– Собрала штук шесть, а дома почистила и приготовила спагетти с морковным соусом. Тогда еще многие продукты были доступны.

– А я первый месяц объедалась шоколадом, – озорно говорит Оливия. – А потом он мне надоел.

– А доктор Вайбер чему тебя учил?

– Рассказывал про местные погребя, где можно добыть качественную еду, постоянно напоминал, что я должна проверять срок годности продуктов, особенно молочных и мясных. Просил не есть много сладкого, потому что зубного врача мне больше не найти. А еще... – она молчит с грустью глядя себе под ноги, словно вспоминая. – Доктор Вайбер за пару месяцев смог почти стать мне отцом. Он подарил мне велосипед, как напоминание... сказал, чтобы я не забывала его. В тот день у него начала чернеть рука.

В моей голове внезапно мелькает последняя картинка перед тем, как папа спрятал меня в «бомбоубежище». Его рука тоже была черная. А потом думаю о том, что видела в кабинете доктора Вайбера: его обувь и докторский халат... его пальто, которое сохранило запах парфюма.

– А как он выглядел?

– Доктор Вайбер?

– Угу.

Воздух в саду свежий и слегка бодрит, вокруг зелено и Эльбрус с удовольствием тычет носом в землю, вынюхивая

себе что-нибудь интересное. Для собаки такая вылазка тоже идет на пользу. Мне так приятно за ним наблюдать. А ведь раньше я не любила животных!

Оливия срывает очередную гроздь темного винограда и с улыбкой отдается воспоминаниям.

– Доктор Вайбер был одним из тех мужчин, о котором мечтают женщины. Моя мама так говорила, – смущенно хихикает. – У меня, знаешь ли, не было папы.

– Бросил?

– Да... когда мне было три месяца. Мама не хотела о нем рассказывать. Не знаю, как выглядел папа, но доктор Вайбер был красавчиком, хоть и седой уже, но зато мужественный, стройный... Если бы не вирус, то я хотела бы видеть мою маму и доктора вместе. Он был хороший и неженатый.

Не скажу, что по рассказу Оливии я могу представить этого Доктора «Мачо», но то, что хочу залезть в его компьютер и планшет – уверена на все сто. Сейчас они как раз заряжаются в одном из магазинов, где я нашла генератор.

Я хочу задать следующий вопрос, но в этот момент Эльбрус начинает громко лаять. Мы поднимаем головы и видим, как собака прыгает около небольшого холмика и виляет хвостом.

– Эльбрус, что там? – кричит Оливия и несется к нему. Я не спешу.

Девочка подбегает к собаке и смотрит пристально куда-то вниз между листьями сухой травы.

– Селена, иди сюда!

Подхожу ближе, готовясь увидеть что-то ужасное. Сердце так и колотится в груди. В голове вновь всплывает образ почерневшего мужчины в деревне. Меня начинает тошнить.

– Их двое, – шепчет Оливия, и я понимаю, что стою с закрытыми глазами. – Селена? – смеется девочка.

Открываю один глаз, потом второй. В нас сейчас бурлит слишком много эмоций, поэтому увидев двух коричневых белок, страх сменяется безудержным смехом. Оливия тоже смеется.

– Это белки! – не верю я.

– И они живые!

Но вдруг мы обе затихаем. Белки не убегают, а испуганно смотрят на нас. И Эльбрус продолжает лаять. Беру палку и толкаю животное, оно не двигается с места. Оливия закрывает глаза, не желая видеть то, что предстает перед нашим взором, когда я разъединяю белочек.

– Черт! – рычу я неистово, затем бросаю палку, хватаю Оливию за руку и мы бежим к машине. Эльбрус от нас не отстает.

Глава 10

Остаток дня и весь следующий день мы с Оливией сидим дома. В основном спим и не желаем ни о чем разговаривать. Белки не выходят у меня из головы. Зрелище, что мы увидели, еще хуже, чем там – в деревне. Я думаю, как эти животные продержались пять месяцев. Есть предположение, что в день исчезновения, эти маленькие зверушки только появились на свет. Вирус всё равно до них добрался. Крепко закрываю глаза, не желая думать, что я тоже могу быть рано или поздно инфицированной. Оливия спокойна, потому что уверена в своем иммунитете. А я нет. Я ни в чем не могу быть уверенной.

Ближе к обеду понимаю, что проголодалась. Оливия тоже ничего не ела с вечера. Поднимаюсь с дивана, сообщаю девочке, что пойду за едой, затем захожу на кухню, чтобы накормить Эльбруса кормом, а после ухажу. Возвращаюсь через двадцать минут с консервами и слайсами. Заодно забрала компьютер с планшетом. Посмотрю, когда буду к этому готова. Не сейчас.

Едим мы молча. Вдруг замечаю маленького паучка, который медленно проделывает путь в верхний угол кухни.

– Почему они?

– Кто? – Оливия смотрит туда же, куда и я.

– Почему насекомые не подошли, как другие животные?

– Не знаю. Мама всегда говорила, что насекомые – живучие гады.

Хочу улыбнуться, но не могу.

– Должно же быть этому объяснение. – Перевожу взгляд на Эльбруса. – Почему вирус не тронул насекомых? И как Эльбрус выжил? У него тоже иммунитет?

– Думаю, да. – Оливия сосредоточенно выскребывает индейку из банки. – Он не выглядит больным. И даже не чешется. Вполне здоровый пёс.

– Да вижу. У инфицированных обычно аппетит пропадает. – Смотрю, как собака хватается последние мясные зернышки из миски. – У моей подруги была кошка. Неделью от еды отказывалась. Отнесли к ветеринару, а позже выяснили, что кошка носит этот вирус. Так мы узнали, что животным тоже грозит опасность. Через месяц в городе началось истребление кошек и собак, так как они контактировали с детьми, которые не догадывались о несущем в этих созданиях зле. А «ОК» заразен. – Скорбно вздыхаю. – Ужасное было время.

По моей щеке бежит слеза. Я не могу с собой справиться, душа разрывается на части. Хочется спросить хоть у кого-нибудь: как так? Кто это допустил?

– Селена? Пойдём прогуляемся?

Вытираю лицо и киваю. Какая хорошая мысль.

– Пешком.

– Хорошо.

Выходим на улицу. Сегодня не так жарко, как в предыду-

щие дни. Небо чистое, ни единой тучки, но солнце не жарит и можно дышать полной грудью.

Не знаю, куда меня ведет Оливия, но она целенаправленно движается между улиц.

– Обычно, я брала корм для Эльбруса в супермаркетах и даже не задумывалась о специализированных магазинах, – говорит она, пока стоит на перекрестке и прикидывает в какую сторону идти. – Где же я его видела? А, точно! Туда!

Перебегаем дорогу, минуя большую грудку автомобилей, и направляемся к северу вдоль сумасшедших ветвистых деревьев, которые бросают огромные тени на тротуар, защищая нашу кожу от солнечных лучей. Впереди панорама из бесконечных полуразрушенных небоскребов и гибких пальм, весело машущих своими «веерами» под прохладным бризом.

Настолько увлекательное зрелище, что забываю обо всем на свете. Раньше я бы тут же полезла за фотоаппаратом, но сейчас он мне не нужен. Показывать красоту всё равно некому.

Путь оказывается неблизким, но пешие прогулки полезны. Наконец, мы доходим до зоомагазина «Петко», и Оливия с Эльбрусом скрываются внутри. А меня ненадолго что-то останавливает. Такое всегда происходит, когда я предчувствую что-то новое. Надеюсь, хуже зрелища с белками уже не будет.

Полки магазина забиты различными кормами, шампуньями, игрушками и всякой ненужной ерундой для собак и

кошек. Ошейники и поводки пугающе развешаны на стенах. Внутри пахнет плесенью и болотом. Клетки для животных пустуют. В некоторых замечаю ошейники на подстилках.

Прикрываю нос ладонью.

– Оливия, ты где?

Слышу лай Эльбруса.

– Иди сюда! – в ответ голос девочки.

Нахожу ее около аквариумов и замираю, глядя на них. Рот автоматически открывается.

– Невероятно, – шепчу я и стучу по стеклу одного из аквариумов. – Рыбки все сдохли, но они... – смотрю на девочку. – Они не исчезли.

Оливия кивает, как бы говоря: «Это я и хотела выяснить». Рыб свалил вовсе не вирус, а естественная смерть.

Глава 11

Теперь я точно не успокоюсь!

В том же зоомагазине набираю несколько пакетов корма для рыб.

– Что ты собираешься делать? – не понимает Оливия.

– Поехали к заливу! Кое-что проверим.

Далее выбегаем на улицу. Не знаю, почему тороплюсь, но ощущения странные. Хочу поскорее узнать, что мои доводы не ошибочны и рыба не истреблена. Прыгаю от одной машины к другой, пытаюсь завести стартеры, но тщетно. Все машины, что простояли полгода на улице, не на ходу. Начинаю нервничать.

Затем Оливия показывает на магазин, где продавали когда-то велосипеды. Улыбаюсь ей.

– Отличная идея! Правда, я с детства не ездила на велосипедах.

– Вспомнишь, – подбадривает Оливия. – Если в детстве умела, то этот навык не забудется.

Заходим в магазин, выбираем транспорт лучших марок. У Оливии с корзиной для Эльбруса. Удивительно, но у меня получается ехать с первого раза.

Через некоторое время доезжаем до набережной, вижу яхты, и моей радости нет предела. Выбираю самую красивую под странным названием «Плохой парень», напрочь забыв о

том, что не умею ею управлять. Но идею отчалить от пристани не оставляю, поэтому пробую разобраться. Нахожу ключ, поворачиваю и слышу как гудит мотор. Да! Но где руль или что там бывает у яхт? Как сдать назад? От всех этих вопросов голова идет кругом. Как плохо жить в мире без людей и... интернета.

Проходит полчаса, но никаких результатов. Отчаявшись, бросаю корм горстками за борт и жду, тоскливо вглядываясь в воду. Ни одной рыбки. Эльбрус тычет носом в ногу и скулит, наверное, чтобы успокоилась, но я не могу не злиться. Хочу понять, черт возьми! Если бы хоть одна рыбка сдохла в этом заливе, то она бы всплыла. А раз я никаких трупиков не вижу, значит, пути два: либо живут себе рыбешки дальше где-то на глубине, либо исчезли, как и все животные.

– Вот.

Оливия протягивает какую-то книжку.

– Что это?

– Нашла в другой яхте. Инструкция, как я понимаю.

Разглядываю ярко-желтую обложку с названием, которое вызывает счастье: «Управление катером и яхтой».

– Ты чудо! – радостно кричу я, подпрыгнув на месте и целую девчушку в щеку.

– Никогда не каталась на яхте, так что у самой огромное желание это сделать.

– Тогда мне нужна твоя помощь. Мотор мы уже завели, и теперь, – читаю, смотрю на схемы и диктую Оливии: – Нам

надо отвязаться от причала.

На это у нас уходит минут двадцать, если не больше. Лодку качает, а у меня, похоже, морская болезнь. С трудом отыскиваю ручку, путаю задний ход с передним и с грохотом врезаюсь в бетонную стену.

– Ты в порядке? – испуганно спрашиваю у Оливии, которая упала во время удара.

– Да, не волнуйся. Кто-то говорил, что надо заботиться о выживших.

Эльбрус громко лает в подтверждение.

– Ладно, больше этого не повторится. Готовы? Держитесь! Я сдаю назад.

Задеваю соседнюю яхту, но меня это не беспокоит. Никто не накричит и не выпишет штраф. Когда отплываем от причала и берем курс, танцую и прыгаю от радости, кручу-верчу Оливию вокруг себя и не замечаю, как целую собаку в его длинный нос. Потом доходит, и я морщусь: «Фу!»

Теперь остается самое важное. Отплыв на приличное расстояние от берега, заглушив мотор, а затем, поставив яхту на якорь, мы с Оливией берем корм и рассыпаем по поверхности воды. Проходит несколько минут и приманка срабатывает. Вокруг нашей лодки собирается рыба.

– Ты тоже это видишь? – перевалившись за борт почти наполовину, спрашиваю у Оливии.

– Рыба не вымерла, как люди. Вот это да! Давай поймаем и зажарим хотя бы одну?

– Я бы рада, да как нам ее поймать?

– Очень просто, – говорит девочка, указывая на сеть в углу.

У нас уходит почти день на рыбалку, если ее вообще можно так назвать. Мы хохочем до умопомрачения, обзывая друг друга «еще те рыбачки». Но на ужин получаем жареного карпа. Для меня это теперь деликатес, так как неизвестно, когда я снова рискну так рыбачить.

Мы настолько вымотались, что сил совсем нет. Оливия засыпает за считанные минуты. Я еще некоторое время лежу, обняв подушку, и смотрю на планшет.

Там есть ответы, я чувствую. Зеваю и, прежде чем заснуть, обещаю себе завтра обязательно проверить информацию, спрятанную в компьютере и планшете доктора Вайбера.

Глава 12

В районе Юнион-сквер, на Маркет-стрит, есть отличный торгово-развлекательный центр, куда мы направляемся с утра пораньше. Идея, конечно же, принадлежит Оливии. Она отлично знает свой город и умеет найти развлечение. Я бы на ее месте просто торчала дома или лазила в чужих квартирах. Но девочка дала понять, что, раз уж мы оказались в столь невыгодном положении, нужно получать удовольствие от того, что имеем. А имеем мы немало!

Оливия считает, что после последних двух нервных дней, нам просто необходимо «оторваться по полной программе». В нашей жизни есть много минусов, но нельзя игнорировать положительные моменты. В какой бы мы ни пошли магазин – даже, если он самый дорогой, брендовый, – ни за одну вещь платить не надо!

Деньги теперь ничто.

Деньги – раскиданные по улицам бумажки, в которых мы не нуждаемся.

Оказавшись внутри элитного центра, мы заходим в лучшие бутики, выбираем и примеряем красивую одежду, обувь, украшения. Устраиваем друг другу целый показ. Сначала одеваемся красиво, а потом просто дурачимся, цепляя на себя безумные вещи, используем меха, шарфы и туфли в стиле Леди Гага. Хохочем без остановки. А когда надоедает,

выбираем самые простые сарафаны, босоножки без каблука, одеваемся и идем дальше.

Больше всего мы получаем удовольствие от поездки на эскалаторе. Вверх-вниз, вниз и снова наверх. Эльбрус бежит по лестницам и громко лает. Ему нас не понять.

Чтобы запустить генератор для этого центра, мне пришлось изрядно попотеть. Для начала решила привезти новый генератор из магазина, потому что боялась, что старый уже не безопасный. Залила масло, подключила к болону с газом и запустила. За пять месяцев могу считать себя профессионалом в этом деле, потому что приходилось это проделывать миллион раз. Без электричества жить просто невозможно. Разгуливать по темному серому центру не самая большая радость.

Отыскиваем комнату, где можем включить фоновую музыку. Выбираем сборник танцевальных песен и под веселый ритм «Can't stop the feeling» выписываем всевозможные движения руками и ногами. Потом Оливия начинает громко петь, за ней и я.

Добираемся до пустой парикмахерской, и внезапно в голову приходит абсолютно бредовая идея: покрасить волосы.

– Я смогу тебя покрасить, так как не раз маме наносила... Только с условием, что ты разведешь краску, – говорит Оливия, трогая мои выгоревшие кончики волос.

– Класс! Это у меня получится!

И действительно, девочка отлично с этим справляется, на-

нося краску цвета темного каштана. А я, в свою очередь, мою ей голову обалденно-пахнущим шампунем и делаю красивую причёску – «Две шишки». И уже через три с половиной часа выходим просто красавицами. Эльбрус все это время спал на одном из кресел.

– Ты красивая, Селена, – говорит мне Оливия, когда мы разглядываем украшения со стразами Сваровски. Затем прикладывает к моим ушам переливающиеся всеми цветами радуги сережки и добавляет: – Ты была замужем?

– Нет, – улыбаюсь в ответ и примеряю украшения. – Но у меня был парень.

– Ты его любила?

– Думаю, да. Хотя сейчас уже не знаю. Мы встречались полгода, и я не успела прочувствовать до конца.

Я имею в виду не только чувства в эмоциональном плане – ухаживания, красивые слова, встречи, поцелуи... Но и физическую близость. Я не девственница, но с Джошем мы не спали. Может, это и к лучшему. Тем не менее, не стану же я рассказывать это всё двенадцатилетней девочке!

– Ты хочешь сказать, что не узнала его ближе? – уточняет Оливия.

Хватаю цепочку с изящной подвеской «Crystal Bermuda Blue», тёмно-синего цвета с отливом морской волны, и вешаю девочке на шею.

– Она тебе очень подходит, к цвету глаз.

– Не расстанусь с ней. Знаешь почему? – Оливия смотрит

на меня волнующим взглядом. — Потому что эта цепочка будет напоминать мне об этом счастливом дне, если... если...

Чтобы не заплакать, притягиваю девочку к себе и крепко прижимаю к груди.

— Мы выживем, — шепчу ей на ухо.

Остаток вечера проходит спокойно. Мы гуляем по городу, болтаем обо всем, о чём придется, избегая лишь разговоров о будущем.

— Откуда ты, Селена? — интересуется девочка.

— Родилась в штате Висконсин, в городе Мэдисон.

— Почему ты не осталась в своем городе?

Беру Оливию за руку. Мне так легче.

— Как ты думаешь, что нас ждет в будущем? Оставаться в городе, где жили твои друзья, твои родные люди очень тяжело. Я видела, как погибли мои мама, сестра и брат. Это просто ужасно. Выбравшись из «бомбоубежища», я сутки просто проплакала над их вещами, нюхая их одежду, вспоминая и проклиная тот день. А потом ушла... жила в совершенно чужом районе. Но не прошло и недели, как я решила уехать из города, из штата. Меня не прельщало скитание в одиночку. И потом, я хочу найти ответы на вопросы. Через несколько месяцев поехала в дом деда. Он был вирусологом на пенсии. Узнала об этом вирусе немного, дальше поехала в институт — сюда. И встретила тебя. А если бы я осталась в своем городе? Смогли бы мы встретиться, Оливия?

— Нет. — Девочка делает глубокий вдох и выдох. — Почему

папа закрыл тебя в «бомбоубежище»? И как ты выбралась?

— Папа хотел защитить меня от людей, которые находились в панике, — отвечаю я, хотя сама до конца не уверена в этом. — Мы думали, что всё случится за считанные часы. Папа запрограммировал дверь бомбоубежища на месяц, и по истечению срока замок автоматически открылся. Так что, я жила и не знала, что творилось в тот момент в мире. Когда вышла, город был уже пустой.

Те тридцать дней я никогда не забуду. Первую неделю если не спала, то плакала. Почти ничего не ела, пыталась вскрыть замок, а потом испугалась, что если что-то сломаю, то останусь там навсегда. Я кричала до хрипоты, надеясь, что кто-то меня услышит. И лишь на шестнадцатый день смирилась.

В комнате было холодно, и я, кутаясь, в одеяла, читала книги. Папа позаботился о хорошем выборе. За три недели я прочитала тридцать две книги. Мне нужно было отвлекать себя от прискорбных мыслей. Стоило вернуться к воспоминаниям, и начиналась истерика.

— Получается, у вас люди вымерли за месяц... — задумчиво произносит Оливия.

— А здесь было не так?

— Началось все еще в октябре, но врачи старались избегать паники и, как только выявляли гниение кожи или органов, увозили людей куда-то. До рождества на улицах ходили люди в скафандрах, — сдавленно смеется, представляя смешные

белые костюмы, защищающие от заражения. – А потом и они исчезли. Постепенно Сан-Франциско опустел. Я видела, как падали самолеты.

– В городе? – удивляюсь и делаю широкие глаза.

– Нет. По телеку видела... и доктор Вайбер мне сказал, что летчики исчезали, поэтому самолеты, рано или поздно врезались или в гору, или падали вниз. Потом полеты запретили.

– Ты так много знаешь.

– А что мне оставалось делать? Доктор Вайбер заставлял смотреть новости, чтобы я знала, что происходит в мире. А потом отключили интернет, телевидение перестало работать, и, в конце концов, электричество отрезали. Тогда-то мне стало очень страшно. Но я справилась, Селена. Я смогла жить в пустом городе... одна.

Мы сворачиваем к нашему дому. Уже совсем темно и становится прохладно. Надо придумать, что мы будем есть на ужин, поэтому перевожу тему разговора на более приятную.

На сегодня с нас достаточно.

Суровая действительность с постоянной борьбой за существование, неизвестность и пустота приводят к стрессу. А нам необходимо беречь себя. Потому что я верю, что если есть мы, то есть еще кто-то. Мир невероятно огромен, а мы находимся на жалком его клочке. Придумать бы, как добраться до тех мест, что отрезаны от Америки.

Этой ночью я всерьез задумалась о том, чтобы двигаться

дальше.

Искать. Искать. Искать.

И не останавливаться.

Глава 13

Убедившись, что Оливия спит, выхожу в гостиную, устраиваюсь поудобнее на диване, накрываю ноги пледом и первым делом включаю компьютер Вайбера. Устанавливаю лампу, которая работает на батарейках, так, чтобы осветить пространство вокруг себя. После чего жду с замиранием сердца.

Наконец, экран светится, и я вижу полный хаос на рабочем столе. Десятки папок, содержащие внутри себя еще немалое количество файлов. Сколько же времени мне понадобится, чтобы их все разобрать?

Откусываю от батончика «Сникерс» и начинаю читать названия папок. Вскоре понимаю, что каждая папка принадлежала пациентам. Доктор писал фамилию и какой-то номер. В основном, я видела «08».

– Стэнфорд-ноль-восемь, – читаю в полголоса. – Дейвис-ноль-восемь, Грин-ноль-восемь. Они точно были все инфицированы вирусом «ОК».

Щелкаю на папку с одной из этих фамилий, затем просматриваю внутренние файлы. Глаза останавливаются на бордовском документе. Открываю и читаю:

«Подопытный Грин. Тридцать четыре года. Вирус «ОК» – начальная стадия.

Результат пробы: отрицательный».

– Чего? Подопытный?

Вспоминаю слова Оливии. Она что-то такое говорила про опыты. Ученые не стояли на месте. И судя по письмам, которые я нахожу в папке под названием «Другое», врачи-вирусологи множества государств работали сообща. Да, потому что дело касалось не какого-то клочка земли, а целого земного шара. Но они не справились. Не смогли.

Хочу узнать, как проводились опыты, что они уже успели попробовать и в чем был их провал. Для этого перебираю каждую папку, каждый документ. На это у меня уходит не один час, после чего садится батарейка и компьютер гаснет. А я ничего не нашла.

Разочарованно перевожу взгляд в окно, за стеклами которого виднеется темная безмолвная улица. Внезапно накатывает усталость и думать уже ни о чем не хочется, поэтому скатываюсь на подушку и засыпаю крепким сном.

Глава 14

– Пс-с, Селена?

Открываю один глаз и вижу склонившуюся надо мной Оливию. Понимаю, что уже день. Солнце пробивается в комнату, даря своё тепло. Сегодня опять будет жарко. Наверное, поэтому я так вспотела.

Не успеваю откинуть одеяло, как на меня набрасывается Эльбрус. И откуда у него столько нежности ко мне? Холодный и влажный язык совсем не раздражает. Он ласков как никогда... И потом, Эльбрус – единственный мужчина среди нас! Это лучше, чем ничего. Внезапно вспоминаю Джоша. Я бы все сейчас отдала, чтобы оказаться в его объятиях...

Оливия смеется, сгоняя Эльбруса с дивана.

– Доброе утро! Завтрак готов. Умывайся и пошли на кухню. Я жуть как проголодалась!

– Который час? – спрашиваю, выползая из постели. Слышу, как хрустят суставы и чувствую, как ноют конечности, словно я спала несколько часов в одном положении.

– Уже больше полудня. А ты соня!

Мой взгляд застывает на улыбчивом лице девочки. Она кажется счастливой, поэтому делаю усилие и растягиваю рот в ответной улыбке.

– Просто очень долго не могла уснуть.

– Какие на сегодня планы?

– Дай сначала зубы почистить! – кричу уже из ванны.

За завтраком Оливия почти не закрывает рта, рассказывая о том, чем они с Эльбрусом занимались, пока я видела непонятно какие сны. Но это даже мне на руку, потому что чувствую себя слегка заторможенной. Оливия постаралась на славу. На столе чего только нет: слайсы, печенье солёное и сладкое, джем, пара консервов тушёной говядины с картофелем и даже спагетти в томатном соусе. Срок годности еще не истек, поэтому выбираю говядину и с удовольствием проглатываю всё содержимое банки.

Потом идем в спортивный магазин и надеваем удобную одежду. У меня черный адидасовский костюм – футболка и шорты. А Оливия выбирает розовые джоггеры и незамысловатую майку. Главное, не жарко и комфортно.

Около двух часов мы просто катаемся по городу, иногда останавливаемся и заходим в дома, осматриваем все, делаем пометки, если находим что-нибудь интересное. Например, в одном из частных домиков есть неплохой сад и там созрел кое-какой урожай.

– Запомни адрес, – велю Оливии, и она немедленно записывает это в свой новый блестящий блокнот, который взяла в канцелярском магазине.

– Хорошо жить без денег, – сказала она мне, пока бродила между стеллажами с тетрадями.

– Да, – согласилась я. – Но плохо без людей.

Выехав на Мишн-стрит мы, вдруг обнаруживаем шоко-

ладную фабрику.

– Интересно, как там всё устроено, – говорит Оливия, приложившись лицом и ладонями к окну.

Понимаю намёк и паркуюсь. Войти внутрь не составляет труда. Не проходит и пяти минут, как наши руки наполняются различными сладостями.

– О, Господи! – восторженно кричу я. – Это рай для любого человека, который любит шоколад!

– Ты любишь шоколад? – Оливия подмигивает мне.

– Конечно! Кто его не любит?

– Доктор Вайбер просил, чтобы я не увлекалась сладким.

– Да, помню. Зубных врачей в мире больше нет. Поэтому сегодня устраиваем себе маленький праздник, а потом забываем про шоколад на долгое время, – говорю я, а сама думаю, почему бы не насладиться последними деньками на планете.

А потом меня вдруг озаряет мысль: а что, если мы сможем все вернуть? Да хотя бы электричество в город! Станции отключены, но их можно подключить. А для этого, возможно, придется покинуть Сан-Франциско. Готова ли к этому Оливия? Почему-то я так боюсь нарушить ее внутренний мирок, к которому она привыкла. Но с чем черт не шутит! В конце концов, это будет недолгая поездка и... надо же с чего-то начинать!

Заставляю себя решиться и, наконец, беру Оливию за руку и подвожу к стульям, на которые мы медленно опускаемся.

– Мне надо с тобой очень серьёзно поговорить.

Девочка ничего не понимает, поэтому хлопает длинными ресницами и улыбается.

– Ты хочешь быть со мной всегда?

– Что за вопрос? – напугано спрашивает Оливия.

– Просто... когда-нибудь нам придется уехать из этого города. Время идет, и жить станет труднее. Я думаю, что в какой-то части мира есть земля, где выживших больше.

– Не знаю, Селена. Мне... – она ёжится, будто ей холодно, затем выдыхает: – Мне страшно. – И отворачивает голову.

Вздрагиваю от лая Эльбруса. После того, как мы увидели зараженных белок, его голос меня пугает. Но он всего лишь чувствует настроение хозяйки. Наблюдаю, как он ставит лапки ей на колени и начинает скулить.

– Ладно, – встаю. – Я всего лишь хотела предложить поискать электростанцию. Для начала.

Она смотрит на меня.

– Я знаю только компанию энергосбережения в Питтсбурге.

– Отлично! Значит, пошли в магазин искать навигатор, который укажет нам путь, без всякого интернета. Если ты согласна.

– Думаешь, нам удастся подключить огромную станцию?

Нет, я в этом не уверена. Как и в том, сколько она протянет без присмотра. Я ведь не знаю, как они работают. А если взорвется? В голове мелькают тысячи картинок жуткой аварии в Питтсбурге. В октябре 2019 года Калифорния уже

подверглась подобной трагедии. Помню, папа смотрел новости о том, как лесной пожар едва не стал катастрофой. Людей эвакуировали, картинки были жуткими. «Это крупнейшая эвакуация из тех, что кто-либо в офисе шерифа может вспомнить», – говорилось в заявлении. Этот природный пожар получил название «Кинкейд». Мне тогда было десять лет, и я мало, что понимала, однако это не помешало страху поселиться глубоко в моем подсознании.

Но стоп... Неужели я действительно хочу ехать на ту чертову станцию? Конечно, если все не очень сложно, то жить с электричеством станет проще. Это и есть моя цель? А вот и нет, отвечаю сама себе. Я хочу подготовить Оливию. Возможно, мне удастся вывезти ее сначала в Питтсбург, а потом и вовсе покинуть Калифорнию, придумав что-нибудь еще.

Глава 15

Солнце зашло, на землю опустилась очередная ночь. Луна освещает окрестности, да и лампа отгоняет страшную и безобразную тьму.

Оливия спит в своей комнате, а Эльбрус устроился у меня в ногах, на поверхности тонкого пледа.

Пришло время посмотреть, что было спрятано в планшете красавчика доктора Вайбера. С компьютером я еще не закончила, но на данный момент с зарядкой у меня только планшет. Я намерена брать их везде с собой. Еще не знаю, чем мне поможет вся эта информация, но интуиция подсказывает, что кое-какие ответы там все-таки имеются.

Задумавшись, смотрю в окно. Завтра мы едем в Питтсбург. Прямо на рассвете и выезжаем. Ночью ехать опасно, так как на дорогах полно машин, которые хозяева не успели припарковать, обвалившиеся дома, могут попасться сваленные деревья. Неизвестно, что происходило в тех местах. Страшно представить, как это все выглядело в те дни.

Оливия согласилась ехать со мной с условием, что мы вернемся. И почему она не хочет понять, что нам лучше не сидеть на месте?

Опускаю взгляд на экран планшета, озарившегося светом, и мои глаза тут же делаются круглыми.

Вот, черт! Зачем Вайбер придумал пароль? Вот это уже

действительно проблема. Чешу затылок. Это ведь может быть что угодно! Кличка собаки, которая была у него в детстве. Имя первой любви. Дата... да какая угодно!

Встаю и начинаю нервно расхаживать по комнате. Эльбрус вылупил на меня круглые глазенки и поскуливает.

– Понимаю, – шепчу ему, – не любишь, когда тебя сгоняют с пригретого места. Я тоже. Но мне надо подумать.

И если ничего путного в голову не стукнет, придется отложить поездку и ехать домой к доктору, искать пароль. Кстати, хорошая мысль!

Закрыв глаза, массирую виски подушечками пальцев, словно хочу призвать какие-то потусторонние силы на помощь. Планшет – личная вещь доктора. Пароль вряд ли содержит название вируса или что-то, связанное с медициной. Оливия – последний близкий человек, с которым общался врач. Дата ее рождения?

Мне нравится идея, но будить ради этого девочку не хочу. В этом доме должен быть документ, подтверждающий ее личность. Там уж точно указана дата рождения. Начинаю с выдвижных ящиков комода в прихожей. Стараюсь рыться тихо, хотя это у меня плохо получается.

– Что ты ищешь?

В испуге подпрыгиваю и хватаюсь за грудь.

– Кажется, ты спала?

– Меня разбудил Эльбрус. Так что ты ищешь?

Смотрю на Оливию и думаю, стоит ли говорить про план-

шет.

– Ты что-то скрываешь от меня? – подозревает она, и я сдаюсь.

Иду к дивану и беру в руки планшет.

– У меня есть это. Он принадлежал доктору Вайберу.

Оливия изучает меня недоуменным взглядом, затем берет в руки планшет и видит надпись «введите пароль».

– Откуда он у тебя?

– Достала в его кабинете. Мы тогда еще не были с тобой знакомы. И я даже не подозревала, что он твой доктор. Просто хочу найти причины возникновения вируса, хочу убедиться, что это не чья-то злая шутка. Да и вдруг там есть подсказки... хоть какие-нибудь, – поникнув, добавляю я.

– Сомневаюсь, что у Джона ты что-то найдешь. Но, если уж очень хочется... Я догадываюсь, какой у него пароль. – Она возвращает мне планшет и говорит: – Стоун-ноль-восемь. В последнее время он все документы так подписывал.

И как я раньше не догадалась!

Вбиваю пароль, предложенный Оливией, и он срабатывает. Ничто не может удержать меня от радостного возгласа. Что бы я делала без Оливии?

Мы обе удобно устраиваемся под пледом, потом и Эльбрус приземляется между нами. Первое, что мы видим – фотография Джона Вайбера вместе с Оливией на главной. Должно быть, он очень любил эту девочку. Затем миниатюрный пальчик указывает на одну из папок:

– Зайди сюда, – просит Оливия.

– Это же галерея.

– Хочу вспомнить его лицо. Я ведь любила Джона, как папу.

Тень грусти пробегает по нашим лицам. А ведь я ничего не взяла из дома, чтобы помнить свою семью, отчего становится стыдно. Молча подчиняюсь Оливии, и мы несколько минут разглядываем фотографии, где доктор Вайбер был еще жив и вполне счастлив.

Вот ему вручают какую-то награду. Наверное, нашел лечение от какой-то болезни, или еще за какие-то другие заслуги. А вот он с пожилой женщиной в саду. Вокруг них море красных и желтых цветов. А здесь несколько фотографий с Оливией. Какая же она красивая!

Внезапно повернув голову, вижу, что она плачет и у самой ком в горле застревает. Обнимаю ее и прижимаю к своей груди.

– Кому-то это было нужно.

– Ты не веришь в то, что это природный вирус?

Мы смотрим друг на друга.

– Нет, не верю. На земле нет болезней, так жестоко истребляющих всех на свете.

– Джон тоже не верил.

Удивленно приподнимаю бровь.

– Он сам тебе это говорил?

– Да.

Закрываю папку с фотографиями и проглядываю следующую. Вижу снимки тетрадных листов с записями, но не понимаю их.

– Я знаю, что это такое, – подает голос Оливия. Она хмурит лоб. Взгляд затуманенный.

– И... что же это?

– Несколько раз он фотографировал эти листочки при мне, в своем кабинете. Из любопытства я спросила, что это такое. Джон сказал... – Оливия зевает. – Сказал, что это имена и телефоны учёных, работающих с этим вирусом. А когда я решила уточнить, почему он просто не вобьет эти имена в свою записную книжку, ответил, что имена закодированы. Все переговоры, которые он вел с ними, были секретными.

Значит, я была права. Письма, найденные в папке «Другое» на компьютере доказывали этот факт. Но в чем секретность? Что скрывать?

– Как расшифровать эти записи?

Оливия дёргает плечами, затем кладет голову мне на грудь.

– Поищи в планшете. Алфавит кодирования однозначно у него есть.

Через минуту Оливия засыпает у меня на руках вместе с собакой. Моя нога затекла, но боюсь пошевелиться. Расшифровку так и не удалось найти. Это личный планшет доктора, а значит, что основная информация касалась только его.

Последнее, куда заглядываю – записная книжка. Внутри

три сохраненных файла. В первой какая-то формула. Мне ее в век не расшифровать. В другой – отдельные слова, не связанные между собой. А в третьей я нахожу кое-что интересное. Это что-то вроде мини-дневника... или письма.

Воодушевлённо ахаю, а потом понимаю, что ног не чувствую. С большим трудом перекладываю Оливию на подушку. Сегодня она занимает мою постель. Собака продолжает тихо посапывать рядом с ней, на пригретом местечке. Я ухожу на кухню, сажусь за стол и читаю:

«Я, наверное, не стану тем счастливым, кто сможет выжить после того, как вирус охватит весь мир и начнет массово уничтожать человечество. Так уж устроен мир. Существует добро и зло, но жизнь – это один сплошной сценарий. В данном случае он написан не нами, и не Богом, а простым идиотом, который решил стать вершителем судеб.

Возможно, есть какое-то лечение... Один из ученых намекнул, что это вакцина, и она находится в Японии. С японскими вирусологами мне общаться не посчастливилось. Они отказались идти на контакт. Не странно ли? Если успею, то сам лично слетаю в Токио и встречу с упрямыми докторами. Сыпь уже появилась на некоторых участках кожи, лишь бы я успел.

Я пишу это письмо не просто так. Моя девочка – единственная, у которой нашли антитела, что защищают ее от заражения – ничем не может мне помочь. Я провел уйму

опытов, взяв образцы ее крови. Но ничего не добился. Я даже вводил себе в вену ее кровь, однако болезнь это не оставило. У меня не осталось надежды.

Но Оливия останется в живых. Рано или поздно она найдет мой планшет и прочитает это послание.

Прости, что не сказал тебе этого раньше... Но я не мог. Ты моя дочь, и я догадываюсь, откуда в твоём организме взялись эти антитела. В нашем институте много лет назад вывели генетический код, его свойство универсально. Такой код был обнаружен лишь у нескольких людей. Он очень редкий. И ты, Оливия, одна из тех, чье ДНК имеет данную особенность. И с точностью могу утверждать, что выживут именно те люди и животные, которые имеют такой генетический код. Не понимаю, почему кровь, взятая у такого уникального человека, не работает на других».

И всё?

Теперь понимаю одну очень простую вещь: мне Бог помогает или сам дух Вайбера. Я не просто так наткнулась на этот планшет.

Достаю из переносного холодильника бутылку воды и залпом выпиваю.

Оливия – дочь Джона Вайбера. Это сенсационная новость. И как ей сказать об этом?

Глава 16

Гул возник из ниоткуда – далекий, непривычный, похожий на звук авиационных двигателей. Моё сознание сопротивляется воспринимать этот шум всерьёз. Это сон, который я уже не вижу, но впечатления сохранились.

Открываю глаза и смотрю в потолок. Сегодня провела ночь в комнате мамы Оливии, так как девочка оккупировала мой диван. Странно, что этот рёв самолёта из сна не прекращается. Сделав усилие, опираюсь на одну ладонь и приподнимаюсь, чтобы выглянуть в окно. Чистое небо предвещает хорошую погоду еще на несколько дней. Если мы отправимся в путь прямо сейчас, то ничем не рискуем.

Подумав, что пора разбудить Оливию и собираться, поднимаюсь с постели и ныряю ногами в тапочки. Часы показывают чуть больше семи утра. Я чувствую себя бодрой и выспавшейся, и от удовольствия, что всё идет как надо, вытягиваюсь во весь рост, подняв руки вверх. Именно в этот момент вижу в небе белую полосу, какую могут оставить только... САМОЛЁТЫ!

– Оливия! – кричу на ходу, спотыкаясь о порог, затем начинаю трясти девочку, чтобы разбудить поскорее. – Просыпайся же!

– Что стряслось? – недовольно сонным голосом бурчит Оливия и хочет вернуться на подушку, но я ей не даю.

– Пошли быстрее, вставай... Ты должна это увидеть.

– В нашей ситуации, Селена, никаких войн не предвидится. Телевизор тоже не пашет, чтобы новости увидеть... Так чем же ты хочешь меня удивить?

Я помогаю ребенку встать и вывожу из комнаты.

– Сейчас ты всё поймешь.

Мы выходим на широкий балкон, а легкий ветерок немедленно обдувает наши волосы и ободряет своей свежестью. Тычу в небо пальцем. Ровная белая полоса уже расплывается и уходит к югу.

– Ты это видишь? – На моём лице широченная улыбка, не знаю, как скрыть радость. Из груди смех так и рвется.

– Это же... от самолёта? – Оливия смотрит на меня, чтобы услышать подтверждение, и я киваю. – Человечек?

– Да, Оливия! Это человек. Где находится аэропорт?

– В двадцати одном километре к югу от города в округе Сан-Матео, между городами Сан-Бруно и Миллбро, – отчеканивает, словно заученный текст, девочка. Голос у нее еще сонный, хриплый, но глаза широко открыты. Девочка едва сдерживает эмоции, когда спрашивает: – Ты хочешь ехать туда?

– Немедленно! – пританцовываю я.

Мы хватаемся за руки и как сумасшедшие начинаем визжать.

– Человек! Человек! Человек!

– Или люди?

– Ура! Люди! Люди! Люди!

Через полчаса мы уже сидим в машине, а Эльбрус досыпает на заднем сиденье.

– А если самолет улетит? – вдруг ни с того ни с сего спрашивает Оливия.

Я внимательно слежу за дорогой, объезжаю каждый автомобиль из-за чего никак не могу набрать скорость.

– Не улетит. В конце концов, в аэропорту есть средства связи. Даже если он улетит, мы свяжемся с теми, кто им управляет, и он вернется.

– Много ли ты понимаешь в этих средствах связи?

– Милая моя, у нас нет выбора. Да и... – взмахиваю рукой и тут же хватаюсь за руль, так как чуть не наехала на мотоцикл. Ругаюсь негромко, а Оливии улыбаюсь. – Нам все равно нечем заняться, так хоть дело появилось.

– А как же Питтсбург и станция?

– Подождут.

По дороге делаем одну остановку, так как бензин на исходе. Оливия уходит в туалет, а я сую краник в бак внедорожника и думаю:

«Наверное, это к лучшему. Так я хотя бы оттяну немного времени. Нет, я нисколько не сомневаюсь, что Оливия будет счастлива узнать про родство с доктором, но реакция у детей, как правило, не предсказуема. А вдруг она обозлится на то, что он их бросил, и это послужит причиной отказать мне в помощи? А еще хуже, если она уйдет в себя и,

о Господи, надумает сбежать. Пока я этого допустить не могу...»

– Где летаешь?

Я вздрагиваю от прикосновения девочки.

– Мысленно уже в аэропорту, – отвечаю, искренне надеясь, что она не поняла моего настроения.

Остаток пути мы слушаем Джастина Бибера, как пожелала Оливия, и молчим. Я нервничаю, думая о докторе и обо всем, что прочитала в его послании. Но сейчас лучше сосредоточиться на самолёте.

– Селена? – Оливия делает звук магнитолы тише. – А ты можешь отдать мне планшет Джона?

Мое сердце делает резкий скачок. Ну, почему она выбрала именно этот момент, когда я за рулем? В один миг я теряю управление, колеса наскакивают на что-то неровное и автомобиль заносит влево, мы ударяемся в минивэн, который во время пандемии врезался в столб.

К счастью, Оливия пристегнута и не ушиблась. Собака просто свалилась вниз, но он в порядке. Я ударилась лбом о зеркало заднего вида, и хотя это больно, но не критично. Выхожу из машины и смотрю, на что наехала – колесо от детской коляски.

– Как поедem дальше?

Поворачиваюсь, а Оливия стоит около меня и разглядывает местность.

– До аэропорта можно дойти пешком, но... самолет тогда

точно улетит.

– Я же сказала, не улетит.

На поиски нового транспорта время терять не хотелось, как и идти пешком, но, к счастью, наша машина осталась на ходу, только бампер слетел.

– Возьми Эльбруса на руки, – велю я, возвращаясь к внедорожнику. – На этот раз я поеду аккуратнее.

Глава 17

Я, Оливия и Эльбрус находимся на командно-диспетчерском пункте или, другими словами, в помещении с видом на аэродром. Утром здесь должна идти обычная работа, но, кроме груды одежды, потухших экранов и мертвой тишины, мы ничего не находим. Нам кажется, что за огромными окнами слишком туманно, однако по меркам любого профессионала погода сегодня не самая плохая для полетов.

– Чтобы связаться с тем летчиком, нужно включить компьютер? – спрашивает Оливия, теребя в руке телефонную трубку.

– Да, – устало киваю в ответ, затем велю ей оставаться с Эльбрусом на вышке, а сама отправляюсь искать генератор. Самая ужасная мысль на данный момент, что придется возвращаться в город за пропаном, а то и за новым генератором. Я даже не знаю, сколько времени у меня уйдет на поиски.

Иногда я чувствую себя эмоционально разбитой и готова упасть и реветь, пока не кончатся слезы. Сложно оставаться в трезвом уме, когда от тебя зависит не только собственная, но и жизнь ребенка. А что может маленькая двенадцатилетняя девочка? Я всё равно одна и делать придется всё самой, как ни крути.

Побродив по пустым коридорам, сворачиваю к лестнице и начинаю спускаться. В голове рой мыслей, и нет от них по-

коя. Дедушка работал в том же институте, что и доктор Вайбер. Я и Оливия, судя по всему, имеем этот уникальный ген. И откуда он у нас взялся? Почему тогда наши отцы умерли, раз это *гены*. А потом вдруг задумываюсь о том, что папа мог знать о моем иммунитете, потому что дедушка был в курсе моей генетики и сообщил родителям, что я защищена. А иначе, зачем папе нужно было прятать меня в «бомбоубежище»? Ответ очевиден. Он запрограммировал дверь на месяц, чтобы я не видела самого страшного. Папа просто хотел меня уберечь. Улыбаюсь самой себе. Ну, конечно!..

На улице вблизи вышки нахожу дизельную электростанцию. По счастливой случайности дверь не заперта, и я смело вхожу внутрь. Только легче от этого не становится. Перед моим взором стоит агрегат, к которому страшно прикоснуться, а мне предстоит привести его в действие. Судя по всему, данный генератор имеет длительный режим и не подключился, когда произошло отключение подачи тока. Соответственно, мне нужно подключать его вручную. И от одной этой мысли коленки мои задрожали.

На столе, или коробке, уж не знаю, на что похоже, нахожу книжку по эксплуатации. Тот инженер явно заглянул в будущее. Обрадовавшись, усаживаюсь перед огромным прибором и начинаю изучать инструкцию, на что уходит больше часа. Это вам не за веревочку дергать, к чему я так привыкла. Тут схема посложнее и кроме всего прочего от этого генератора зависит наше дальнейшее будущее.

Перед тем, как нажать на рычаг, впервые в жизни перекрещиваюсь. Я росла в семье католиков, но мы были не настолько верующими, чтобы ходить в церковь или молиться перед едой. Для меня крест, по сути, ничего не значит. Но только не в данной ситуации.

Зажмуриваю крепко глаза и нажимаю на рычаг. Двигатель запущен. Моя рука трясется и вибрирует, лежа на рукоятке рычага. Шумят механизмы, из труб с разных сторон идет дым, разноцветные лампочки вспыхивают и сверкают на приборной доске. Меня охватывает восторг. Он работает!

Выхожу из контейнера на улицу и смотрю на вышку. У окна стоит Оливия и держит большой палец вверх. Да! Смахиваю слезу и бегу, что есть силы к ней.

– Селена, сюда! – кричит Оливия, как только появляюсь в диспетчерской.

– Ты подключила компьютеры?

– Нет, система заработала автоматически. Смотри, на экране карта США и здесь движущийся самолетик.

Я сажусь в кресло и смотрю на экран. Красный самолётик двигается к югу от Сан-Франциско. Больше на карте нет никаких показателей, что подтверждает лишь одно: небо пустое.

– Нам надо связаться с этим летчиком, – говорю я, хватая телефонную трубку. Но вдруг замираю: – А как?

Оливия пожимает плечами.

– Тыкай во все кнопки. Что нам терять?

Приободрившись, прикладываю трубку к уху и слышу белый шум. Задыхаясь от эмоций, жму на кнопки, которые кажутся менее подозрительными. В горле стоит огромный ком. Кажется, меня охватывает паника. И что говорить?

– Эй! – несмело бормочу в трубку. Оливия выдает недовольную гримасу и я, выпрямив спину, говорю чуть громче: – Вы меня слышите? Приём?

В трубке шум. Мои глаза судорожно бегают по всем кнопкам и лампочкам, иногда поглядываю на карту и вижу, как передвигается значок.

– Умоляю, отзовитесь! Приём? Кхм... Вас вызывает диспетчерская Сан-Франциско! – вдруг смелее кричу я, и Оливия улыбается, машет большими пальцами и жестом требует продолжать. Я повторяю: – Вас вызывает диспетчерская Сан-Франциско! Приём?

Проходит пять минут. Я не сдаюсь. Самолет на экране отдалается от Калифорнии. Мы с Оливией нажимаем на всевозможные кнопки и ищем возможность услышать голос на борту, и, судя по указателям на экране компьютера, – это авиалайнер. А если там еще люди? Даже дух захватывает от мысли, что нас может стать намного больше!

– Приём? Вы меня слышите? Диспетчерская Сан-Франциско!

Еще через десять минут Оливия теряет интерес и разваливается в неестественной позе на соседнем кресле.

Глядя на разочаровавшуюся девочку, тоже начинаю опус-

кать руки.

– Наверное, ты права, – тихо говорю, не убирая трубку от уха. – Мы опоздали. Он нас не услышит.

С грустью и задумчиво смотрю на красненький значок, который уходит все дальше и дальше. Без профессионалов не обойтись, я ни на что не способна.

– Поехали домой, Оливия. Я проголодалась... А ты?

Уголки губ девочки опускаются вниз.

– Я так надеялась...

– Мы попробуем еще, – обещаю я и хочу положить трубку на место, как вдруг через треск и шум раздается мужской голос:

– На связи пилот Кенни Перри. Приём?

Глава 18

– Эй! Вы там? Приём? Вы меня слышите? – В собственном голосе улавливаю волнение, восторг и еще кучу всяких разных эмоций, которые стали причиной застывших у меня на глазах слёз. – Нас двое. Мы выжившие после... после пандемии. Вы там?

– Я вас слышу. Послушайте, я разворачиваю самолет и двигаюсь в сторону Сан-Франциско.

– Да-да! Я видела ваш самолет в небе сегодня утром!

– Мисс? Я хочу, чтобы вы меня выслушали.

– Да, конечно!

– К тому времени, как я достигну аэропорта в Миллбро, день будет подходить к концу. Вы понимаете, мисс?

– Э... Селена.

– Хорошо, Селена. Так вот, есть риск, что я не смогу увидеть посадочную полосу. Туман сгущается, и мне нужны ориентиры на земле.

Я теряюсь.

– Что мне делать?

– Я подскажу, не беспокойтесь. – Парень некоторое время молчит, а из трубки доносится треск. Если связь с ним исчезнет, то моё сердце разорвется на части. Я уже представляю нашу встречу. – Раз вам удалось связаться со мной, значит, есть источник питания, – вновь говорит мужской голос.

От волнения забыла его имя. Он назвался всего один раз. – Попробуйте включить аэродромные огни.

– Черт... – бурчу под нос, рассматривая миллион кнопок по всей диспетчерской. – И как мне это сделать?

Пилот дает мне подробные указания, объясняет куда подойти и на какие кнопки и рычаги давить. Выполняю все действия по порядку, добившись результата – огни аэродрома вспыхивают. Мы с Оливией визжим от радости, которая не длится и минуты, так как в одно мгновение огни гаснут. Возвращаюсь к телефону, чтобы сообщить о провале.

– Они не работают.

– Не может этого быть! Я не смогу безопасно посадить самолет, если не увижу полосы, – раздосадовано, словно в диспетчерской сидел профессионал, а не обыкновенная девушка, кричит пилот. – Пробуйте еще!

Делаю еще несколько попыток, но безуспешно. Горят только стоп-огни, которые излучают красный свет.

– Не получается, – сокрушаюсь в трубку. – Как же вам удавалось раньше летать и сажать самолет?

– Я всегда действовал четко намеченному плану и сажал самолет только днем при ясной видимости. Сейчас непредвиденная ситуация, отсюда и проблема.

В диспетчерской на десять минут становится тихо. Пилот думает над проблемой, я тоже. Эльбрус свернулся калачиком на одном из кресел и спит. Оливия от скуки вырисовывает что-то на листе бумаги.

– Селена, вы на связи? – слышу голос и хватаю трубку.

– Да, говорите.

– Раз аэродромные огни не работают, то вам придется поискать другие огни. Это может быть что угодно: от простых фонариков до светодиодных ходовых огней.

«А это ещё на каком таком языке?» – злюсь про себя. Я понятия не имею, как они выглядят!

– Селена? Приём?

– Я думаю.

– У вас полно времени. Я еще далеко. Погуляйте по аэропорту, что-то да найдется.

«Легко сказать!»

Во мне говорит усталость, но желание встретиться с этим пилотом выше, поэтому оставив Оливию около телефона, отправляюсь на поиски огней... каких-нибудь. И беру с собой Эльбруса, хотя очень сомневаюсь, что он станет искать лампы.

С рацией в руке, которые мы откапали в диспетчерской, я сообщаю Оливии о своих находках, она спрашивает пилота и передает его слова. Мне кажется, что проходит вечность, прежде чем мы с Эльбрусом обнаруживаем в складском помещении сигнальные огни, размером с трость, похожие на бенгальские, которые от силы будут гореть пару минут, по моим подсчетам, но может и больше. Их оказалось достаточно много, чтобы расставить по краям посадочной полосы. Пилот дает добро, но предупреждает, что двигаться мне

придется со скоростью света, ибо поджечь я их смогу только тогда, когда самолет окажется в непосредственной близости.

Пилот рассчитывает время так, чтобы я успела ликвидироваться вовремя, но и зажечь огни. Целый час уходит на расстановку данных агрегатов. По совету пилота, я располагаю их в шахматном порядке. Затем ожидаю сигнала Оливии по рации. В руке держу целых четыре зажигалки, которые набрала в одном из ларьков на первом этаже аэропорта. Время движется необычайно медленно, а то и вовсе стоит... Вечер близится к закату, солнце отражается в окнах аэродрома и диспетчерской вышки желтым пламенем. Я брожу вдоль полосы, периодически смахивая пот со лба.

– Долго еще? Спроси, – говорю Оливии по рации.

Через минуту она отвечает:

– Сказал, что еще полчаса. Как раз солнце сядет.

– Черт... – И это мое ругательство означает, что придется хорошо побегать.

Время идёт. Я мучаюсь.

В конце концов, устаю и падаю на землю. Рацию кладу в траву, а пока проверяю, насколько хорошо затянуты шнурки на кроссовках.

– Селена, начинай! – неожиданно и звонко кричит Оливия. И тут я понимаю, что нельзя терять ни минуты.

Аэродром окутывают сумерки, и пилот был прав в том, что туман сгустится. На момент действий мой мозг отключается от внешнего мира, сосредотачиваюсь лишь на огнях,

а ноги несут меня сами. Первые огни удается поджечь в считанные секунды, но стоило заприметить в небе самолет, как сердце тут же испуганно застучало. «А если не успею?» – неотступно бьется мысль. Но не останавливаюсь.

В ушах стоит оглушающий рёв моторов. Неизвестно откуда появляется дикий страх, но мне необходимо его побороть. Остается поджечь еще два огня, а последний оставить в руке. Дыхание сбилось, на лбу проступают капельки пота... а в сердце поселяется ужас... ледяной ужас! Вижу приближение самолета и замираю с огнем в руке. На меня сыплются мелкие искры, обжигая кожу. Надо уходить в сторону, а я продолжаю глазеть на то, как огромная машина касается земли. А ведь у нас получилось!

С трудом очнувшись от ступора, убегаю в сторону и очень вовремя. Крыло пролетает над моей головой, я падаю и кубарем качусь по асфальту, затем остаюсь лежать на животе, наблюдая, как самолет катится по полосе.

– Ущипните меня кто-нибудь. Я хочу проснуться, – говорю вслух, поднимаясь с земли. Ссадины на локтях и коленях больно пульсируют. Иду к самолету. Но оттуда никто не появляется.

В окне вышки Оливия тычет куда-то пальцем, пытаюсь подсказать, что я должна делать дальше. Рация осталась в начале полосы, где-то в траве. В той стороне, куда указывала девочка стоят... Ну точно же! Пилоту нужен трап!

Еще одна проблема, с которой мне приходится разбирать-

ся. Доехать до самолета я смогу, а как эту лестницу к двери приспособить?

Тем не менее, нахожу нужный рычаг уже через минуту и трап возвышается над кабиной машины. Не имея опыта, конечно же, врезаюсь в самолет, отчего подпрыгиваю до потолка. Потом слышу шаги, а машина закачалась от движения. Это он. Пилот.

Не знаю, что на меня находит, но как только оказываюсь перед мужчиной в красивой белой форме, тут же бросаюсь на шею и начинаю истошно рыдать.

Глава 19

Чувствуя мужской запах, и вдруг вспоминаю последнюю встречу с Джошем.

В тот день шел дождь. Джош уже болел: он сильно кашлял, а под рубашкой на спине скрывалась красная сыпь, однако, это не помешало мне сбежать из дома, чтобы увидеться, потому что знала, что могу его потерять. Тогда в Америке царил паника. Я слышала, что во многих городах больных «ОК» людей изолировали, но пользы это не приносило. Болезнь распространялась с молниеносной скоростью. Нам пришлось смириться и ждать... Нет, не смерти, уж ее мы точно не ждали. Мы верили, что ученые что-нибудь придумают. Отец запретил нам выходить из дома, да и к тому же, по решению министерства здравоохранения объявили карантин по всему миру. Карта, которую демонстрировали все СМИ, была вся красная. На Земле не осталось ни одного места, куда бы ни попал вирус.

Мы с Джошем встретились в сквере, спрятались в беседке и любовались на стену проливного дождя, прижавшись друг к другу. Он говорил о своей будущей кончине, как о чем-то обыденном, несмотря на то, что я захлебывалась слезами. Тогда я сказала, что хочу уйти вслед за ним и поцеловала его. Это был долгий поцелуй, самый долгий и чувственный. Потом я уткнулась носом в его шею, вдыхая запах кожи и

не волнуясь о болезни, и долго так сидела. Казалось, целую вечность.

Сейчас он словно ожил передо мной, даря волшебное чувство защиты.

– Все кончилось, – слышу приятный голос с небольшим акцентом. – Селена, ты молодец! Справилась, как солдат!

Эти слова возвращают меня в реальность, и я слегка отстраняюсь от пилота, но его руки по-прежнему у меня на плечах. Слезы не перестают течь по моим щекам. Внезапно он берет мое лицо в свои ладони и нежно вытирает дорожки слез большими пальцами. И в этот момент я вижу, как его серо-голубые глаза светятся улыбкой.

– Ну, привет, – выжимаю из себя. Не могу оторвать глаз от его лица, потому что трудно поверить, что стою перед еще одним человеком. Мне на самом деле без стеснения хочется трогать его, рассматривать, говорить с ним. И не важно, что он обо мне подумает.

– Привет, Селена. Очень рад встречи.

– А я как рада! – Из горла вырывается глупый смешок, я прикрываю рот рукой и отхожу от парня, который, похоже, растерялся и не знает, что делать дальше. – Пойдем на вышку? Там нас ждут Оливия и пёс по кличке Эльбрус.

– Конечно!

Мы беремся за руки интуитивно. Скорее, это моё решение, ведь я хочу побыстрее отвести его наверх, а пилот не сопротивляется.

– Напомни свое имя, – осторожно прошу я.

– Кенни.

– Ты американец?

– Да, но последние лет девять жил и работал в России.

– Ого! Работал на русскую авиацию?

Он сухо смеется.

– Я работал на русскую авиакомпанию.

– А почему не на американскую? Или российские компании могут предложить больше... могли... Ну, ты понял мой вопрос.

Мы поднимаемся по лестнице, поэтому дыхание сбилось, но Кенни говорит ровно, не делая акцентов и с одинаковой скоростью.

– Многие заграничные летчики выбирали карьеру в России из-за достойной зарплаты, карьерного роста и возможности больше времени проводить с семьей. Я – не исключение.

Тут я останавливаюсь и смотрю на него с грустью или сожалением, наперед зная ответ.

– У тебя была семья?

– Родители, жена... – Он делает многозначительную паузу. – Беременная жена.

Мы молчим около минуты. Я пытаюсь переварить ужасную информацию, затем хочу сказать что-то утешительное, но не нахожу слов. Поджимаю губы и продолжаю путь. Он идет следом.

– А у тебя среднезападный акцент, – говорит он мне в спину.

– Мне часто друзья и знакомые говорили, что я могла бы пойти на журналиста и потом читать новости на CNN, – смеюсь.

– А родилась ты где?

– Висконсин. И пошла учиться на медика.

– О! Так у нас есть медик...

– Не совсем, – перебиваю Кенни и, прежде чем открыть дверь в диспетчерскую, добавляю: – Но уколы делать умею.

– Это тоже неплохая новость, – подмечает собеседник.

Мы входим в помещение, где с нетерпением нас поджидают Оливия и Эльбрус. Увидеть ребенка Кенни явно не ожидал, поэтому вижу, как он замер в дверях.

– У тебя по рации такой взрослый голос... – первое, что говорит он.

А Оливия мило улыбается, затем протягивает ему руку.

– Добро пожаловать в нашу скаут-бригаду, пилот!

Мы дружно смеемся.

Далее Оливия жалуется, что умирает с голоду, напоминая мне, что мы весь день ничего не ели. Кенни тоже поддерживает идею спуститься с вышки и поискать путевое кафе в аэропорту, чтобы сделать горячий чай, а воспользовавшись плитой, сварить макароны или рис. К счастью, мы находим магазин, где набираем нужные продукты сносного качества, затем и само кафе с хорошим генератором внутри, который

не сработал после отключения электричества.

Пока наши мысли занимала еда, мы особо не разговаривали. Я уже счастлива от того, что в нашей компании есть мужчина. Даже дышать стало легче, ведь сколько проблем он может решить! Нам повезло, что он летчик – ответственный, сильный, умный. Я просто уверена, что Кенни разбирается во многих механических вещах и даже пресловутые генераторы теперь – его забота.

Но за столом мы с Оливией начинаем забрасывать мужчину вопросами. Еще одна непонятная вещь: мне называть его парнем или мужчиной? Он выглядит очень молодо, но профессия такая, что возникают сомнения на счет того, что мы хотя бы ровесники. Мое любопытство удовлетворяет Оливия, еще раз убеждая меня в том, что невинные дети – ценный дар.

– Сколько тебе лет, Кенни? – в лоб спрашивает она, затем отправляет в рот спагетти, которые варил именно он.

– Мне тридцать четыре. Старый?

– Для меня – да. Но для Селены – в самый раз!

Мы с Кенни смущенно переглядываемся. Оливию понесло.

– А родом откуда? – задаю следующий вопрос.

– Слышала что-нибудь о городе под названием Клируо-тер?

Мотаю головой «нет».

– Это во Флориде. Он граничит с городом Тампа. Я рос,

можно сказать, на пляже. Отец работал спасателем. В подростковом возрасте он купил мне гидроцикл и научил кататься на нем. Бедняга, хотел, чтобы я тоже стал спасателем или же чтобы выбрал близкую к морю профессию.

– Но ты выбрал самолеты, – заканчивает за него Оливия.

– Верно. Но отец меня никогда не осуждал.

А я опять завожу пластинку о грустном:

– А как ты узнал о кончине родителей?

– Мама позвонила и сказала, что отца не стало – вирус «ОК». Она призналась, что тоже больна, и я тут же прилетел в Клируотер, чтобы она провела свои последние дни с сыном.

– Это случилось до общей пандемии?

– За три месяца до начала апокалипсиса или... как это еще назвать...

Я наливаю ему в кружку еще чай, затем задаю главный вопрос:

– Расскажи, как ты выжил. Что видел? Где был?

Кенни откидывается на спинку стула. Глянув на меня, он отворачивается и смотрит на пустые столы и горы одежды вокруг. Мы их привыкли не замечать, но если начинаешь задумываться, кому принадлежали эти вещи и чем занимались люди в тот момент, то поневоле накатывает волна ужаса.

– Мы ко всему готовы, – добавляю я.

Он кивает, хоть и сморщив лоб. По туману в глазах я догадываюсь, что эти воспоминания очень болезненные, и уже хочу отказаться от расспросов, но Кенни начинает свою ис-

торию...

Глава 20

И вот, что нам поведал Кенни:

В марте прошлого года я летел в Египет. Слухи о том, что появился какой-то страшный вирус, ходили уже давно. Но я не встречал больных «ОК», поэтому мало в это верил. У людей пытаются вызвать новую волну паники, считал я, как это бывало раньше. Однако россияне всё равно были осторожны и не впускали в страну инфицированных людей. Только вирус этот оказался проворнее. В Египте наш экипаж пробыл два дня, и за это время одна стюардесса и второй пилот возвращались домой со страшной аллергией. Мы на самом деле так думали! Но ошиблись. Они привезли вирус «ОК» в Россию, после чего полеты были отменены на некоторое время. По крайней мере, турагентства по указу президента остановили продажу билетов в курортные зоны. А летчиков и стюардесс отпустили к своим семьям до вызова.

Сейчас я счастлив, что получил шанс провести время с женой. Через два месяца в мае она забеременела. Однако ситуация в мире начинала меняться к худшему и мы боялись, что ребенку не суждено родиться. Каждый день по новостям сообщали о новых жертвах страшной болезни. Инфицированных людей запирали в больницах, объявили всемирный карантин. Но ничего не помогало, ведь болели ещё и животные. А их так просто не запрешь.

К октябрю ситуация вышла из-под контроля. Всё больше людей заражались, а многие совершали суицидальные действия. Никто уже не стремился помогать, потому что спасали свои шкуры.

Моя жена заболела после того, как сходила в магазин. В декабре перед рождеством ее не стало. Я не видел... как... Я... просто проснулся утром, а рядом ее ночная сорочка, в которой она уснула. Помню лишь ее раздирающий кашель всю ночь, а потом он стих... я уснул и... всё. Нет жены. Нет ребенка. И тогда я подумал, что меня тоже уже нет.

Я начал пить. Многие магазины уже считались брошенными, так я садился среди бутылок спиртного, брал какую-нибудь наугад и пил, пил, пил... до тех пор, пока не отключался.

Долгое время не понимал, почему меня никак не берёт этот чертов вирус. Даже когда улицы опустели, я всё еще ждал проявления болезни. Но ничего так и не случилось.

Вирус меня не убил.

Выпивка меня не угробила.

В Москве почти никого не осталось в живых, только одежда повсюду, груды столкнувшихся автомобилей, да я один. Нет, я встречал людей еще в течение всего января, но все они были обречены.

Весной я взял себя в руки, осмыслил произошедшее и понял, что Бог оставил меня на этой земле не просто так...

Кенни замолчал.

Я тяжело вздыхаю, пытаюсь осмыслить все, что самой пришлось ощутить на собственной шкуре. Да и Оливии ситуация знакома, только девочка уснула во время его рассказа, положив голову на руки. Смотрю на нее, а на глаза слезы наверачиваются. Эльбрус лежит под столом и время от времени смотрит на нас сочувственными глазками, словно переживает все вновь так же, как и все мы.

– Значит... – мой голос хрипит, поэтому откашливаюсь. – В дни, когда происходило самое страшное, ты жил в беспмятстве?

– Именно. Я напивался так, что просто не замечал ничего вокруг. На улицу было страшно выходить. Люди сходили с ума, они воровали, избивали и даже убивали.

– Да... В моем городе происходило тоже самое. Все взрывалось, люди кричали. Потом папа спрятал меня в подвале. Мы называли его «бомбоубежищем», но на самом деле это всего лишь подвал, который мог защитить нас в случае любых катаклизмов или даже войны. Отец сделал электронный замок с кодом. Вот и запер меня там на месяц.

– Он знал, что ты не заболеешь?

– Наверное, знал, – пожимаю плечами. – Мой дед был вирусологом, ученым в научно-исследовательском институте. Я хотела покопаться в его записях, а они привели меня сюда, в Сан-Франциско. Потом я нашла Оливию, и вот мы здесь. Ты же тоже не просто так летаешь? Где ты бывал?

– Давай сделаем еще чаю и попробуем найти место, где

положить девочку, а потом я тебе все расскажу, – предлагает Кенни, и я выдавливаю ласковую улыбку.

– Кажется, я видела мотель недалеко отсюда.

Глава 21

Вскоре после того, как мы нашли мотель, и я помогла Оливии лечь в постель, мы с Кенни выходим на веранду для посетителей.

Пока я возилась с девочкой и собакой наверху, он даром времени не терял. На столике стоят две бутылки пива. «Как давно я не пила», – замечаю про себя.

Ночная летняя прохлада поднимается с земли. В воздухе парит спокойствие. Я сажусь в соломенное кресло и накрываюсь прихваченным с собой пледом.

– Пиво? – удивляюсь я.

– Нашел в баре и подумал: почему бы и нет? Сегодня для нас обоих был трудный день. – Он так мило улыбается, что и я не удерживаюсь от ответной улыбки.

– Хорошо. Но только сегодня, ради исключения. Знаешь, в нынешней ситуации здравый ум не помешает.

– Скажи спасибо, что мы не попали в мир зомби, – добродушно смеется Кенни. Я беру у него открытую бутылку пива и делаю глоток.

– Мы в пустом мире, однако, сюрпризы поджидают нас на каждом углу.

– Что ты имеешь в виду? За последние месяцев пять я ничего и никого не видел, хотя облетел десятки стран.

– А мне хватило попасть в маленькую деревню или съез-

дить с Оливией на виноградник, чтобы встретить неожиданные вещи. Например, человека, который прожил полгода до тех пор, пока вирус не сожрал его. Или белок, прилипших друг к другу, потому что их тела уже начали разлагаться.

Кенни поднимает вверх брови, но ничего не говорит. Он озадачен.

– Да! Не веришь? – покрепче закутываюсь в плед и устремляю взгляд в звездное небо. Перед нами застекленная веранда, вид отсюда открывается невероятно красивый, если не считать того, что сад совсем запущен. В данную минуту это и не важно, так как вся растительность потонула в ночной темноте, оставив лишь усыпанное звездами полотно. – Эльбрус обнаружил двух маленьких бельчат, – продолжаю после недолгой паузы. – Они сидели в траве, прижавшись друг к другу. Сначала мы с Оливией обрадовались, думали, что нашли еще живность и не всё так плохо в нашем потухшем мире. Однако еще со школы мы знаем, что белки не станут сидеть на одном месте и глазеть на человека. Они убегут – спрячутся на дереве, например.

– Но они не убежали, а потому вы и решили, что они носят вирус?

– Не совсем так, – мягко возражаю. – Я ткнула в них палкой и разъединила... – Тот день словно вернулся, и в нос ударил смрадный запах, что мы почувствовали с Оливией и меня затошнило. Отставив пиво, продолжаю: – Зрелище не из приятных. Они прилипли друг к другу органами, так как

сбоку все, как бы это назвать?

– Сгнило?

– Да, кожа сгнила. Они, бедняги, наверное, превратились в пыль сразу, как мы ушли. Я не видела. Схватила Оливию за руку и побыстрее смылась с того места. Я ведь еще помнила мужчину из деревни, который тоже был совсем черный, а в комнате стоял едкий запах, да такой, что слезы из глаз хлынули.

Стул, на котором сидит Кенни, скрипит каждый раз от его движений. Боковым зрением я вижу, что он не находит удобной позы.

– Устал? Может, спать пойдешь?

– Нет, всё в порядке. Просто долгое время в воздухе провел. Автопилот не всегда надежен, особенно, когда в самолете нет больше никого, кроме тебя. – Кенни не забывает о моем рассказе, поэтому возвращается к теме: – А тот мужчина что-нибудь говорил тебе?

– Велел убираться. – Я потупила взгляд. – Как думаешь, мы еще можем заразиться?

Кенни недолго думает.

– Не знаю.

– Давай сегодня отдохнем как следует, а завтра я расскажу тебе всё, что накопила в институте, идёт?

После этих слов я встаю, набрасываю на плечи плед и двигаюсь к раскрытой двери. Ноги подкашиваются от слабости.

– Селена?

Оборачиваюсь.

– Ты хотела узнать, где я бывал.

– Точно же... – закатываю глаза, ругая себя мысленно за то, что в разговоре ушла совсем не в ту степь. – Пиво в голову ударило.

Кенни от души рассмеялся.

– Ты совсем ничего не выпила! – В этот момент он становится серьёзным. – Не волнуйся, у нас еще всё впереди. Я вас не брошу, знай это. Иди спать.

Некоторое время смотрю на Кенни с выражением восхищения, даже дыхание перехватывает. Он поднимает руку с пивом, в его глазах появляются счастливые огоньки. А мне плакать хочется. Нас становится больше. Это ведь именно то, что я искала...

Глава 22

Сегодняшнее утро должно быть прекрасным, вне зависимости от того, что в городе, да что там – в мире по-прежнему тихо. Хорошо, что мы слышим жужжание мух и видим всяких разных жучков. Это жизнь, какая бы она ни была. Это счастье. В стекло веранды упрямо бьется стрекоза, настойчиво, но безуспешно. Бабушка, которая верила в разные приметы, всегда говорила, что если стрекоза бьется в стекло, значит, получишь подарок. Помню, в детстве летними днями я часто сидела у окна и ждала стрекозу, которая непременно мне подарит. Как и все дети, я их очень любила.

Вчера я получила отличный подарок – еще одну жизнь, но...

– Селена?

Оборачиваюсь и вижу Оливию. На ней вчерашняя одежда, волосы растрепанные спускаются до пояса, выглядит она вполне выпавшейся.

– Доброе утро, милая, – с большим усилием стараюсь скрыть грусть, приветствую подругу.

Улыбка исчезает с ее лица.

– А где Кенни?

Молчу.

– Селена? Где Кенни?

– Ушёл.

– Как это «ушёл»? – Ее взгляд падает на столик, где стоят две пустые бутылки из-под пива. Девочка подходит и одним движением сгребает их, затем бутылки оказываются в мусорном ведре. – Насовсем?

– Не знаю, Оливия. Утром проснулась, а его нигде нет. Видимо, решил, что... – Мой голос дрожит. Он ведь вчера говорил, что не бросит. Неужели лгал? – Решил, что две девочки – непосильная ноша. А у нас ведь еще и собака.

Оливия ушам не верит.

– И что... даже записки не оставил?

Качаю головой, что нет.

Некоторое время девочка стоит в замешательстве, но потом вдруг становится веселой и пытается взбодрить меня словами.

– Ну и к черту его! Мы же справлялись без него раньше? И теперь справимся. Жаль только зря потраченного времени. Ладно... – Она протягивает мне расческу и заколки. – Собери мне волосы.

– Ты права. Не стоит зацикливаться, – отвечаю я и принимаюсь за прическу, как только Оливия садится на стул. – Сейчас приведем себя в порядок, позавтракаем и поедем домой. Сегодня отдохнем, а завтра, как и планировали, поедем в Питтсбург.

И только я это сказала, как в холле раздается звоночек, извещающий о новом посетителе. Мы с Оливией замираем. Это Кенни. Стоит в гавайской рубашке и шортах до колен с

пакетами и улыбается.

– Пока вы спали, решил найти что-нибудь из одежды. А то в летном костюме в Сан-Франциско гулять неприлично, – беззаботно по-мальчишески объясняет Кенни.

Оливия смотрит на меня, едва сдерживая улыбку. Знаю, что она думает. Я полная дура, если решила, что Кенни нас бросил. Осознав глупость ситуации, я начинаю хохотать. Смеюсь до тех пор, пока не начинает болеть живот. Оливия тоже хохочет, а Кенни, бедняга, совсем ничего не понимает.

– Ладно вам, девочки... Слишком смешной вид, да? Ну, до города доеду, а там прогуляемся по торговому центру, и вы подберете мне что-нибудь получше.

Это нас окончательно добивает, и мы падаем со смеху.

Дождавшись, когда мы успокоимся, Кенни показывает пакеты.

– Может быть, позавтракаем уже? Я нашел очень много вкусного!

Позже мы всё объясняем Кенни, и он тоже смеется от души, а потом я прошу его больше так не делать. И у нас вдруг появляется первое правило – оставлять записку, если надо отлучиться. У нас нет мобильных. Теперь это бесполезная вещь. Телефонные станции не работают. Нет ни интернета, ни телевидения. Мы словно вернулись в прошлое, только почты у нас тоже нет. Даже почтовых голубей...

После обеда приезжаем домой. Кенни спит почти до вечера, а мы с Оливией решаем приготовить ужин из добытых

продуктов: рис, сухие приправы, сушёные бобы, растительное масло; Кенни где-то откапал сушеное мясо. Так что блюда у нас получаются отличные. От счастья, что Кенни удалось подключить в квартире генератор, который мне так и не удалось завести, я пеку овсяное печенье в духовке. Жизнь приобретает смысл, когда в доме появляется мужчина!

За ужином мы ведем свободную беседу, шутим и смеемся. Кенни рассказывает о своих путешествиях.

– Я побывал в более чем десяти странах.

– Где именно ты побывал? – с любопытством спрашиваю я.

Кенни дожевывает рис и отвечает:

– Я был в нескольких странах Европы: Греция, Франция, Великобритания и еще некоторых мелких местах, кроме скандинавских стран. Также облетел Африку. Я даже был в трех городах Австралии. Но везде всё то же самое – пусто. Летчику, впрочем, легко понять это еще в воздухе. Если есть люди, то есть диспетчеры в аэропорту, но никакого сигнала мне не удалось поймать. Я садился только для того, чтобы сменить самолет, отдохнуть, помыться и переодеться. Иногда брал машину и ехал в парламенты, муниципалитеты или больницы. Однако за все время не встретил ни одного человека.

– А как насчет восточной части?

– Из Австралии я полетел в Канаду. Там я едва не разбился, но к счастью, только крыло повредил, а сам цел остался.

Поэтому я боялся садиться без огней. – Кенни заливает водой рис и продолжает: – К сожалению, я не успел побывать в Индии, Китае или Японии. Я даже не подумал о них. Из Канады я решил полететь в некоторые штаты Америки, а затем остановиться на несколько дней в Клируотере... дома.

– А тут повстречались мы, – улыбаюсь, спрятав глаза в тарелке.

– И поверь, Селена, – произносит он нежно, накрыв при этом мою руку своей, – я безумно счастлив вас встретить. Для этого я и летал.

Вздыхаю, затем смотрю на Оливию. Бедняжка, так устала, что засыпает на ходу. Веки почти не открываются и движения очень вялые.

– Оливия, давай-ка, иди в постель, – велю девочке и помогаю ей встать. Оливия не сопротивляется.

Некоторое время вожусь с девочкой, затем мы с Кенни моем посуду.

– Не хочешь прогуляться? – вдруг предлагает Кенни.

Смотрю в окно на темное небо. В приоткрытую створку проникают природные звуки – протяжные стоны ветра и стрекотание сверчков. Улицу освещает слабый свет луны. Никаких уличных фонарей, никакого постороннего шума.

– Гулять? Ночью?

– Только не говори, что за все полгода не гуляла по ночам, – не верит Кенни.

Дергаю плечами. Мои глаза застывают на тарелке, кото-

рую обволакивает холодная струя воды. Как долго мы ещё сможем пользоваться водой из-под крана? Услышав слово «полгода», понимаю, что уже июнь заканчивается. А что нас ждет через год? Через два?

– Нет, не гуляла. Хотя прекрасно знаю, что там никого нет, но как-то все равно жутковато.

– У тебя, наверное, остались впечатления от фильмов «Обитель зла» или «Я – легенда»? – Кенни отодвигает стул и садится. – В подростковом возрасте я был без ума от этих фильмов. Теперь это уже ретро-кино.

– Там вроде как зомби... – припоминаю я.

– Там – да. Но наш мир пуст. И ночная прогулка очень даже полезна.

Кенни в конечном итоге уговаривает меня выйти на улицу. Эльбрус остается за сторожевого, мы даже дверь не стали закрывать.

Кенни очень предусмотрительно берет с собой ручные фонарики, один отдает мне. Мы шагаем по бульвару, внимательно глядя перед собой. На что только не натыкаешься по дороге: людская одежда, сумки, осколки от витринных стекол, обломки кирпичей и даже мебели. Москиты время от времени беспокоят.

Убиваю очередного комара на плече.

– В последнее время все чаще задаюсь вопросом, почему именно насекомые выжили, – раздаётся мой голос в ночи. – А еще рыбы. Недавно мы с Оливией поймали рыбу в заливе,

представляешь?

– Мне тоже это кажется странным. Должно быть, есть какая-то закономерность. Животные и птицы вымерли. А насекомые и некоторые разновидности земноводных остались в живых.

– Что ты имеешь в виду под «разновидностью земноводных»?

– Когда я был в северной Африке, то увидел саламандру. Это ведь не насекомое, правильно?

Поднимаю бровь и задумываюсь.

– Что же их объединяет?

– Это нам предстоит выяснить, Селена. – Кенни берет меня за руку, потому что я уже дважды споткнулась. – Ну, как? Страшно?

– Не особо, – с улыбкой отвечаю я.

– Никого. Город огромный, но наши голоса сопровождаются эхом. Ей-богу, иногда создается ощущение, что мы в банке.

– Тихо! – Резко останавливаюсь и пытаюсь прислушаться к звукам. – Слышишь?

– Да, – соглашается Кенни. – Как будто животное бежит. Клац-клац.

Оборачиваемся и направляем фонари туда, откуда слышно движение. У меня замирает сердце на мгновение. Кенни оказался прав. Это животное. Это Эльбрус!

Кенни смотрит на меня, я на него. Собака не просто так

нагнала нас, он хочет что-то сообщить, ведь Эльбрус не покидает хозяйку без причины. Тревога заполняет наши умы, и мы почти в один голос кричим:

– Оливия!

Глава 23

– У нее жар!

Кенни включает свет. Оливия лежит под одеялом, дрожит и стонет.

– Проверь, нет ли сыпи. Руки, ноги, живот. Обычно все начинается оттуда. Приложи ухо к груди и постарайся прослушать легкие. Есть ли хрипы?

Я судорожно осматриваю тело девочки, затем слушаю легкие. Дыхание ровное, без каких-либо посторонних шумов.

– Без стетоскопа сложно сказать что-то наверняка. Но она не кашляет и сыпи нигде я не обнаружила. У нее обыкновенная лихорадка.

– М... м... мне х... холодно, Се... лена, – стуча зубами, произносит Оливия. Кенни приносит еще одеяло.

– Нет! Что ты делаешь?

– Ей же холодно.

– Так ты не собьешь температуру. – Срываю с девочки одеяло и как можно мягче говорю: – Знаю, тебе холодно, но постарайся набраться терпения. Скоро станет лучше, я обещаю. – Целую Оливию в лоб, затем принимаю у Кенни чашку с компрессом и медленными движениями протираю лицо девочки.

– У меня «ОК»?

– Нет, милая. Это банальная простуда. Кенни, – обраща-

юсь к парню, что стоит рядом, готовый к любой помощи, — я должна сбежать в аптеку. Возьму жаропонижающие, а заодно антибиотики. Постарайся как можно чаще прикладывать компресс Оливии на лоб или же обтирай все тело. А я скоро вернусь.

Мы меняемся местами. Беру фонарь, Эльбруса и несусь в соседнюю аптеку за всем необходимым.

Часом позже мы с Кенни располагаемся на кухне. Все самое страшное позади, лихорадка отступила и теперь Оливия спит.

— Черт, как же она меня напугала, — говорю я. Чувствую, как в горле пересохло, поэтому наливаю воды из графина и делаю глоток. Нервы собрались в один плотный комок и ощущение, будто мое тело работает на механизме, которому не помешало бы масло. — Я дала ей антибиотик. Мне кажется, это на нервной почве и никак не связано с вирусными заболеваниями. У ребенка стресс.

— Ты у нас медик, тебе лучше знать, — отвечает Кенни.

— Как бы я хотела знать больше, чем просто азы.

Кенни качает головой.

— Ты умеешь делать инъекции, а это уже огромный плюс.

— А ты умеешь успокаивать, — отшучиваюсь я, а потом мы погружаемся каждый в свои мысли. Проходит не меньше часа, прежде чем я вспоминаю, что мне есть, что показать Кенни. Хотя на часах давно за полночь, ни я, ни он уснуть всё равно не сможем. Так почему бы не воспользоваться момен-

том?

Приношу Кенни все записи своего деда, планшет и компьютер доктора Джона Вайбера, и мы детально разбираем информацию. Сидим почти всю ночь и не думаем об усталости. Иногда заглядываю в комнату к Оливии, чтобы проверить ее состояние, но лекарства сработали отлично. Девочка пропотела, а вместе с потом вышла и болезнь – так говорил мой любимый преподаватель.

В записях моего деда ничего существенного и полезного не оказалось, так же, как и в компьютере. Но вот на последнем письме Вайбера Кенни заострил внимание.

– Здесь говорится о вакцине, – спокойно рассуждает он. – Почему они это не проверили?

– Доктор же ясно сказал, что японцы не шли на контакт.

– А почему? Не странно?

– Он задает тот же самый вопрос, Кенни. Конечно, странно. Поехали в Японию и узнаем.

– Как только будем готовы, полетим. – Он хочет, чтобы его слова не звучали холодно, но именно так и выходит. Я сдаюсь и принимаю решение идти спать. – Селена, ты уходишь?

– Думаю, на сегодня достаточно.

– Ты злишься? – Его глаза сверкают. Он подходит ближе и касается моей руки, очень осторожно – словно боится быть отвергнутым. Это сбивает меня с толку. – Прости, если я иногда бываю резок. Я такой же человек, как и ты, и все эти события, этот чертов вирус – не выходят у меня из го-

ловы. А теперь еще и генетический код. Почему тогда наши родители погибли?

Этот вопрос я тоже уже много раз себе задавала, но ответа не нашла.

Мы стоим очень близко друг к другу. Я чувствую приятный запах одеколona, которым он воспользовался еще утром, но, тем не менее, аромат мускуса не выветрился. От Кенни исходит доброта и благодать, а еще мощная энергия, которая заряжает уверенностью. К нему так хочется прикоснуться и получить частичку счастья, которую у меня отобрал коварный вирус. Однако без его желания я этого сделать не могу.

Кенни вновь начинает говорить:

– А что, если нам вновь погулять по институту вирусологии? У них должны быть записи про это код, а к тому же полное описание болезни.

– Хорошо, – отвечаю я и поднимаю голову, чтобы посмотреть на его лицо. И мне мерещится, что его взгляд, улыбка и черты лица изменились. Ощущения накатывают бурными волнами, их невозможно ни осмыслить, ни удержать. Прикусываю губу, да так, что из нее вот-вот хлынет кровь. – Пусть только Оливия поправится, – произношу я и отворачиваюсь, не в силах больше смотреть на него.

– Ладно... – В его шепоте слышу убаюкивающее утешение. – Тогда поговорим об этом в другой раз. Спокойной ночи.

– Угу, – качаю головой и, кажется, угадываю в собственном голосе нотки разочарования.

Поспешно выхожу из кухни.

Падаю на кровать, загребаю подушку и утыкаюсь в нее. Меня душит злость. Не на Кенни, а на себя. Почему, собственно, я не могу сделать первый шаг? Мы знаем друг друга только пару дней? И это причина? Мы же в пустом мире! С лица земли стерто все человечество, а для тех, кто остался разве больше не существует чувств? Нет, не собираюсь с этим мириться. Мне нравится Кенни, и я хочу, чтобы он знал об этом.

С этим намерением возвращаюсь на кухню. Кенни еще сидит с планшетом, рассматривает фотографии доктора.

– Не спится? – улыбается он.

Какое-то время внимательно смотрю на него. Голова кружится, и я все больше убеждаюсь, что делаю глупость. Но он должен знать.

– Кенни, я... – облизываю губы.

Мужчина замирает, но не двигается с места. Я делаю шаг, наклоняюсь и целую его в губы.

– А вдруг это в последний раз, – шепчу я, – не прощу себе, если не попытаюсь. Прости...

После этого убегаю в комнату Оливии, не давая ему шанса высказаться. Рано или поздно нам придется об этом поговорить, но не сейчас.

Глава 24

Через три дня Кенни ловит момент, пока Оливия занята с Эльбрусом в ванной, приводя собаку в надлежащий вид, и подходит ко мне на кухне.

– Мне кажется, сегодня отличный день, чтобы прогуляться до института вирусологии, – в полголоса говорит он.

Я делаю вид, что увлечена приготовлением пищи. Кенни добыл свежие помидоры на каком-то огороде, привез целое ведро, поэтому сегодня у нас праздник. Все три дня я не отходила от Оливии, боясь, что приступ лихорадки повторится. А Кенни, к счастью для меня, по полдню объезжал город в поисках съестного. И нашел он гораздо больше, чем я ожидала. Овощей хватит нам на неделю.

– Селена? – молвит он, не услышав ответа.

– Хорошо. – В моем голосе звучит злость вперемешку с безразличием.

– Хорошо, – повторяет он и отходит. – Тогда после обеда?

Смотрю на него, одновременно вытирая руки о полотенце.

– Да.

Что он чувствует? О чем думает? Так и хотелось залезть ему в мозг и хорошенько там покопаться. Внешне ведь он остается равнодушным, я никак не могу разгадать его намерений. И разговоры наши сводятся только к одной теме – чертовому «ОК» и его происхождению. А не проще было бы

просто устроить свою жизнь, имея то, что дано? Мы живы, у нас есть пища, крыша над головой, то есть условия для жизни не самые ужасные... Все это я обдумываю за обедом, но потом прихожу к выводу, что появление мужчины сделало меня слабой, уязвимой, а также слепой к обыденному. Из сильной женщины, от которой зависела жизнь ребенка и будущее, я превратилась в девочку-подростка, у которой гормоны играют и бунтуют. Глупо. А значит, пора брать себя в руки и делать то, что должна.

– Обещаешь, что все расскажешь? – спрашивает Оливия, слегка надув губки. Ей обидно, что мы не хотим брать ее с собой. Но так будет лучше. К тому же, она еще слаба.

– Конечно, обещаю, – расплываюсь в улыбке.

Оливия сидит на своей кровати в турецкой позе, а я держу ее за руки, примостившись рядом. Эти три ночи я спала с ней на одной кровати, ощущала ее тепло и представляла свою сестренку, если бы она осталась жива. Мои чувства к девочке намного сильнее, чем прежде. Я прекрасно осознаю, что кроме нее у меня нет никого роднее и ближе.

Целую ее в лоб и собираюсь уходить.

– Оставайся дома, хорошо? Мы с Кенни постараемся как можно быстрее вернуться и...

– Селена, дай мне, пожалуйста, планшет Джона. Хочу фотографии посмотреть. Я так по нему скучаю.

Застываю на месте, затем медленно перевожу взгляд на Кенни, ожидая помощи, но он стоит с таким видом, словно

она стакан воды попросила. Сама не понимая, что делаю, отдаю девочке планшет. Но как только мы оказываемся на улице, начинаю бранить себя:

– Ну, почему я такая дура? Почему отдала планшет? Теперь она прочитает письмо Вайбера и узнает, что приходится ему дочерью, и убьет меня за то, что я ничего ей не сказала! – резко останавливаюсь и тычу в Кенни своим худым пальцем: – И ты меня не остановил!

– Селена, успокойся. – Стальным нервам Кенни можно позавидовать. Он правильную профессию выбрал. Уж с этим не поспорить. – Во-первых, дети не лезут в блокноты телефонов. Уверен, она исследует весь планшет, найдет игру, на которую я подсел и увлечется так, что время незаметно пролетит, батарея сядет, а девочка уснет.

– Ты ясновидящий? – язвительно говорю, сложив руки на груди.

– Оливия – ребенок!

– Она очень умный ребенок! И прожила одна-одинешенька в этом дерьме!

Мы идем к машине, и Кенни садится за руль. Мог бы мне дверцу, что ли, открыть по-джентельменски! Стою, притопывая правой ногой и чувствую себя полной идиоткой. Надо просто поговорить с ним и все решить раз и навсегда, тогда, возможно, количество противоречий во мне уменьшится, и я стану чувствовать себя лучше.

Боковое стекло опускается и Кенни смотрит на меня с

улыбкой. Он веселый и беззаботный, как и взгляд из-под зеркальных очков.

– Ну, так мы едем?

Отбиваю ногой последний ритм, затем прыгаю на переднее сиденье.

– Едем.

Глава 25

Пока Кенни подключает генератор, я обследую все этажи института и прихожу к выводу, что эта работа не одного дня. Понятия не имею за что хвататься. Сейчас в моей голове такая каша, что желание узнать что-нибудь об «ОК-0108» отошло на второй план.

Иду по коридору самого последнего этажа. На мне медицинская маска, так как омерзительная благовония никуда не делась. Вспоминаю серо-голубые глаза, приятный голос, смуглое лицо... мягкие губы. Внезапно вздрагиваю, услышав шум. Звуковой сигнал лифта, наконец, отвлекает меня от мучительных воспоминаний. Створки лифта открываются, и наружу выходит Кенни. Я бы на его месте не рисковала и не садилась в лифт. Моё сердце предательски дрогнуло и громко застучало.

– Что-нибудь нашла? – как ни в чём ни бывало спрашивает он.

– Не знаю... – закусываю губу. – В том кабинете еще не была. Кенни, мы ничего здесь не найдем.

– А я говорю, найдем, – упрямо твердит он и велит следовать за ним.

Мы проводим в институте полдня. Я устала и начала беспокоиться об Оливии, но Кенни не прекращает поиски. Мы исследовали несколько кабинетов врачей, пересмотре-

ли каждую папочку с пометкой «ОК». Кенни включал компьютеры и просматривал базы данных. «Если понадобится, то будем приходить сюда каждый божий день. Я уверен, что в таком огромном центре для нас есть новости», – говорил Кенни. Я лишь разводила руками, потому что он прав и сказать тут нечего.

Последний кабинет, который мы решаем обыскать, принадлежал главному врачу. Я уже перестала читать таблички на двери и запоминать фамилии. Это мне уже не по силам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.